ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (3096) Суббота, 6 июня 1953 г. Цена 40 коп.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ

НА ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ АВИАЦИЯ...

Маленький приморский городок еще спал, когда у длинных рыбацких причалов засветились желтые огоньки. Рыбацкие суда направлялись в узкую горловину Керченского пролива. Здесь они рассыпались по водной глади в поисках хотя бы небольшого мутноватого пятнышка — признака рыбьего косяка. Но вода повсюду была одинакового цвета.

У выхода в Азовское море, под краснодарским берегом удалось обнаружить средний по размеру косячок хамсы. Через некоторое время здесь скопились чуть ли не все прибрежные сейнеры — и государственного лова и колхозного. Рыбы было немного, и ловцы порой вынимали полупустые сети.

В это время с одного из ближайших аэродромов поднялся в воздух самолет — разведчик рыбы. Машина шла на высоте 900 метров над кромкой восточного берега пролива. После долгих поисков в стороне от рыбацких сейнеров летчик заметил широкую и длинную темную полосу, протянувшуюся недалеко от западного берега пролива. Вот где рыба!

Получив радиограмму летчика, сейнеры пошли наперерез косяку, они перегородили весь пролив. Два дня подряд рыбаки черпали хамсу, словно из бочки, каждый раз вынимая полные сети. Грузовые суда едва успевали отвозить добычу на берег...

Это лишь один из эпизодов работы летчиков авиации специального применения. Каждое утро с рассветом самолеты-разведчики поднимаются в воздух и кружат над морями в поисках темных пятен — скопления рыбы. По цвету пятен, по их форме и еле заметным оттенкам пилоты узнают, какая рыба идет: кефаль, скумбрия, хамса, сельдь. Заметив косяк, самолет проходит над разметавшимися в море сейнерами и, обратив на себя их внимание, возвращается назад, сделав над косяком несколько кругов: «Мол, здесь рыба». Иногда, если поблизости нет судов, пилот сбрасывает вымпел с запиской или навигационную морскую бомбочку, начиненную нефтью. По расплывшемуся пятну сейнеры и находят большие скопления рыбы.

Ранней весной самолеты специального применения вели разведку скоплений тюленя в Баренцовом и Белом морях. Даже плохая погода не мешала им работать. Потом начался сложный поиск морского зверя за полуостровом Канин, на льдах Баренцова моря.

— Какую еще работу ведут ваши летчики? — спросил корреспондент «Литературной газеты» начальника управления авиации специального применения Главного управления Гражданского воздушного флота П. Чулкова.

— Широко поле действия нашей авиации,—ответил он.—Возьмем, например, помощь сельскому хозяйству. Как сообщает Краснодарская государственная инспекция по карантину сельскохозяйственных растений, обработка полей химикатами с воздуха значительно повышает урожай. В колхозе «Путь Ильича» Ростовской области в результате такой обработки земель урожай зерновых увеличился на шесть центнеров с гектара. Чтобы прополоть один гектар вручную, нужно 8—10 человек. А один самолет за день «пропалывает»—вытравляет сорняки — на площади до 80 гектаров. Эту работу выполняет самолет «ПО-2». Теперь появилась новая, более совершенная машина, способная за сутки обработать 400 гектаров.

Над лесами Западной и Восточной Сибири, в Красноярском крае и на Дальнем Востоке летают самолеты-пожарники. Стоит появиться опасности, как крылатый сторож на бреющем полете идет вдоль фронта линии огня, сбрасывая стеклянные бомбочки, начиненные специальными химикатами: они тушат огонь. Если рядом есть населенные пункты, пилот сбрасывает вымпел с точным адресом места, где загорелся лес.

На месте вырубок специальные самолеты высевают семена ценных пород промыслового леса. Так, в Медвежьегорском районе Карело-Финской ССР этой весной посеяно одной лишь сосны более чем на 500 гектарах.

Из месяца в месяц увеличивается объем работ авиации специального применения. Только за последний год в восемь раз возросла площадь лесных массивов, где вредители уничтожаются самолетами, обработка хлопчатника с воздуха увеличилась в шесть с половиной, прополка полей — в три раза.

После баскетбольных состязаний

Опущен флаг VIII чемпионата Европы по баскетболу для мужских команд. Приятно напомнить, что эта честь была предоставлена капитану команды—победительницы чемпионата—советскому спортсмену Отари Коркия. Приятно напомнить и то, что год назад капитану команды Советского Союза Лидии Алексеевой также выпала честь опустить флаг женского баскетбольного чемпионата Европы. Пусть это станет постоянной традицией и на будущие годы!

Окончательные итоги состязаний уже опубликованы в печати. Известно, что второе место заняли баскетболисты Венгрии, третье — Франции. Далее следуют команды Чехословакии, Израиля, Югославии, Италии, Египта, Болгарии, Бельгии, Швейцарии, Финляндии, Румынии, Германии, Ливана, Дании, Швеции.

Подводя итоги чемпионата, надо сказать, что, несомненно, болгары должны были завоевать лучшее место, не говоря уже о том, что по своему классу они, безусловно, имели все основания участвовать в финальных играх. Очевидно, что и чехословацкие баскетболисты могли занять более высокое место. Они хорошо финишировали, но это был несколько запоздалый финиш. Довольно цепкими игроками показали себя югославы. Итальянцы сумели в последний день нанести поражение призерам чемпионата—французам. Что касается египтян, то причина их частых проигрышей в финале кроется в неумении организовать защиту.

Корреспондент «Литературной газеты» беседовал с тренером советской команды К. Травиным, тренером венгерской команды Я. Падером и французским судьей Э. Биго о наиболее интересных итогах чемпионата.

К. Травин сказал, что по составу участников команд это был сильнейший за послевоенные годы чемпионат баскетболистов. Отрадно отметить, что в числе призеров оказалась команда Венгерской Народной Республики, которая до сих пор многими зарубежными спортивными авторитетами не считалась опасным противником для ведущих команд. Касаясь сборной команды СССР, К. Травин отметил, что ее состав значительно обновился по сравнению с тем, который представлял нашу страну на XV олимпийских играх. Из молодых игроков нашей команды К. Травин особо отметил Ю. Озерова и А. Лауретенаса.

Тренер венгерской команды Я. Падер сообщил, что баскетбол в Венгрии начал, по существу, развиваться после установления там народно-демократического строя.

— Мы весьма удовлетворены итогом нашего выступления,— сказал Я. Падер,— но не очень удовлетворены классом своей игры. Постараемся в следующем чемпионате Европы показать более высокий класс: ведь наши учителя — баскетболисты Советского Союза.

Э. Биго, делясь своими впечатлениями, отметил, что, по его мнению, сильнейшим баскетболистом чемпионата был советский спортсмен Гунар Силиньш. Э. Биго сообщил, что в команде Франции не было ее лучшего игрока П. Беньо, рост которого равняется 2 метрам 7 сантиметрам. Беньо не мог приехать в Москву, ибо его не отпустил хозяин предприятия, где он работает.

Все иностранные гости, с которыми беседовал корреспондент «Литературной газеты», единодушно подчеркивали, что состязания на первенство Европы проходили в дружеской атмосфере и были хорошо организованы.

В пушкинской комиссии

Вчера в Москве, в связи с 154-й годовщиной со дня рождения А. С. Пушкина, состоялось заседание пушкинской комиссии Союза советских писателей СССР.

И. Новиков познакомил собравшихся с результатами своего нового разыскания, посвященного стихотворению «Все в жертву памяти твоей»... Какова точная дата его написания? Кому адресованы эти строки и какие новые подробности биографии поэта заключены в них? В рукописи Пушкина под стихотворением, внизу листа, значится: год 1825-й, число—22-е, смазанное, и вверху четко надписано — 23-е. Месяц не обозначен. В летописи жизни и творчества Пушкина стихотворение датировано «Январь — декабрь. 23.1825 года». Изучив историю публикации этого произведения и внимательно прочитав страницы биографии поэта, относящиеся к тому году, И. Новиков в своей работе пришел к заключению, что стихи написаны в сентябре 1825 года и обращены к А. П. Керн, а не к Е. К. Воронцовой, как это утверждал в свое время П. Щеголев.

На основе последней своей гипотезы И. Новиков написал новые страницы к роману «Пушкин в изгнании», чтением которых он и закончил вчера свое выступление на заседании пушкинской комиссии.

На этом же заседании С. Бонди дал анализ трагедии «Моцарт и Сальери». По-новому прочитывая пушкинский текст, он показал, что трагедия эта не только о великом завистнике Сальери, но и о высоком вдохновении в искусстве, о художнике-гении.

В заключение выступил И. Фейнберг с новым исследованием об автобиографических записках Пушкина. После разгрома декабрьского восстания Пушкин, как известно, вынужден был уничтожить эти записки, которые он начал еще в 1821 году и называл своей биографией. Считалось, что от этого труда почти ничего не уцелело. Однако И. Фейнберг путем анализа пушкинских текстов приходит к выводу, что поэт сохранил некоторые отрывки из уничтоженных записок и даже включил их в новые свои произведения. К числу уцелевших отрывков, по мнению исследователя, относятся, например, страницы, печатающиеся обычно под заглавием «Заметки по русской истории XVIII века». Некоторые другие сохраненные поэтом места были использованы им позднее, в адресованной Николаю I записке «О народном воспитании».

КТО ПОДПИСЫВАЕТ И КТО РЕДАКТИРУЕТ?

О НЕПРАВИЛЬНОМ СТИЛЕ РАБОТЫ РЕДКОЛЛЕГИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ

«Пребывание в редколлегии рассматривается не как определенная литературно-общественная обязанность, а как право на «почетное место» в красном углу, полагающееся за заслуги «по должности». Все это приводит к обезличке, к безделью, к безответственности, а главное — **тормозит выдвижение** новых партийных и беспартийных писательских кадров, способных активно работать», — так резко А. М. Горький в 1934 году определил главный недостаток в работе редколлегий журналов.

К сожалению, эти слова, сказанные девятнадцать лет назад, и сейчас попадают не в бровь, а в глаз. Во многих литературно-художественных журналах и альманахах и сейчас работа,—а вернее сказать,— отсутствие творческой работы редакционных коллегий, как нельзя более точно может быть охарактеризована этими словами Горького.

«Литературная газета» на своих страницах уже не раз, с указанием имен и фамилий, приводила факты, когда иные писатели состоят в редакционных коллегиях на положении «свадебных генералов», когда они относятся высокомерно или легкомысленно к этой своей работе. Такие писатели вводят читателя в заблуждение, соглашаясь ставить свои имена на последней странице журнала или альманаха, но отказываясь не только редактировать, но даже и просто предварительно читать тот материал, который они предлагают вниманию читателей за своими подписями.

С годами такое безразличие к своему журналу не только превратилось в привычку иных писателей, занимающих «почетное место в красном углу», однако не склонных выполнять связанные с этим почетным местом почетные и трудные обязанности, но с их плохой работой свыклись и редакторы журналов и Союз советских писателей. А это всего хуже. Уклонение от добровольно принятой на себя общественной работы, от участия в редактировании журнала, идущего к сотням тысяч, миллионам читателей, не встречая в писательской среде общественного порицания и критики, приводит к потере чувства долга, рождает терпимость к тому, чего не должно терпеть.

Разумеется, главная обязанность писателя — писать книги. Когда он забывает об этом, то о нем забывают читатели и он перестает быть писателем, в скольких бы «красных углах» он ни сидел и сколько бы «почетных мест» ни занимал. Поэтому лишняя заседательская суетня, избыток речей и выступлений по не особенно важным, маловажным и вовсе неважным поводам, безусловно, мешают творческой работе. К сожалению, в ряде писательских организаций не соблюдается меры в проведении всякого рода заседаний; писателя, что ни день, отрывают от письменного стола для проведения того или иного мероприятия, забывая, что писание книги — тоже мероприятие, и притом для литературы — самое важное.

Однако, если справедливо, что главная обязанность писателя — писать книги, то из этого вовсе не следует, что это его единственная обязанность. В традициях великой передовой русской литературы, в традициях Пушкина и Белинского, Герцена и Некрасова, Чернышевского и Щедрина, в традициях зачинателя пролетарской литературы — великого Горького, наконец, в традициях всей нашей, имеющей уже богатый тридцатипятилетний опыт, большой советской литературы—постоянная забота писателя о судьбах литературы. Эта забота всегда выражалась и должна выражаться прежде всего в чтении и редактировании рукописей, в поисках новых дарований, в стремлении отделить злаки от плевел и предложить на суд читателей все то лучшее, что ты, писатель, ты, критик, предварительно сам прочел, оценил, помог художественно довершить.

Участие в редактировании журналов, на страницах которых выявляются результаты этого благородного труда,— есть высокая и традиционная обязанность передовых писателей, передовых людей своего времени. Это работа нелегкая, берущая много труда, сердца, творческих сил, но это работа, совершенно необходимая для развития всей литературы. На эту работу, разумно сочетая ее с собственным писательским трудом, действительно передовой писатель, то есть человек с общественной жилкой, человек, болеющий за судьбы литературы, — не вправе жалеть ни времени, ни сил. В писательской среде эта работа должна быть окружена атмосферой общественного уважения. А такая атмосфера будет создана только тогда, когда писатели будут соглашаться участвовать в редакционных коллегиях с твердой решимостью постоянно отдавать часть своего времени большому общественному труду. Тогда и читатель будет уверен, что люди, чьи имена он с уважением читает на последней странице журнала, действительно сами читают, отбирают, редактируют, направляют в печать рукописи, делятся своим писательским опытом с молодыми авторами, выдвигают в литературу новые имена и грудью становятся на защиту читателя от произведений неудачных, сырых, неталантливых, чьему бы перу они ни принадлежали. Атмосфера общественного уважения к коллективному труду редактирующих журналы литераторов будет создана тогда, когда с обложек журналов исчезнут имена людей, числящихся там по дурному принципу «и мы пахали», когда в списках членов редколлегий появятся новые имена, имена тех, кто умеет выполнять, и действительно выполняет, высокий общественный долг фактического, а не фиктивного участия в редактировании журналов, призванных выявлять и выращивать писательские кадры, развивать нашу литературу и выполнять большую и ответственную роль в литературно-общественной жизни страны.

Уважение в нашей стране завоевывается только трудом. Писатель, создавший одну или несколько хороших книг, усилиями своего таланта, т. е. писательским трудом, приобретает уважение читателей. Читатель с радостью и удовлетворением видит хорошо знакомое и авторитетное имя такого писателя в числе членов редколлегии того или иного литературного журнала. Однако удовлетворение читателя вызвано вовсе не тем, что он лишний раз имеет возможность прочесть на обложке журнала это уважаемое им имя; удовлетворение вызвано уверенностью в том, что полюбившийся ему талантливый писатель участвует в редактировании журнала, который выписывает этот читатель; читатель верит в талант, знания, хороший вкус писателя, чьи книги он любит и ценит; читатель предполагает, что писатель, войдя в состав редколлегии, талантом, знаниями и хорошим вкусом помогает другим писателям совершенствовать свои произведения. Короче говоря, читатель полагает, что быть членом редколлегии — это значит выпускать журнал. И читатель, уважая такого писателя за то, что он часть своего времени отдает этому большому творческому делу, с доверием открывает свежую книжку журнала, полагая, что все в нем напечатанное одобрено, отобрано и отредактировано теми, кто поставил свои подписи в конце очередного номера.

Но, к сожалению, надо прямо сказать: думая так, читатель часто обманывается. Некоторые писатели, по праву заслужившие уважение своими книгами, своим писательским трудом, не заслуживают уважения как члены редколлегий журналов, на обложках которых значатся их имена. Как члены редколлегий, они не работают или почти не работают, молодых талантов не выдвигают, произведений не редактируют, своим советом и опытом никому не помогают, то есть, короче говоря, не трудятся, а лишь занимают почетные места в «красном углу».

В итоге получается,— и это недавно с большой наглядностью выявилось на обсуждении работы журналов в секретариате Союза писателей, — что в редколлегии иного журнала целый список известных и даже знаменитых в литературе имен, а за этим эффектным списком картина работы совсем неприглядная. На деле всю работу в редакции несут на своих плечах редактор да еще один-два, редко три писателя, а остальные члены редакционной коллегии, на вкус и опыт которых рассчитывает читатель, бездействуют по многим месяцам и даже годам.

Все сказанное относится к работе и «Нового мира», и «Знамени», и «Октября», и «Театра», и альманаха «Дружба народов». В «Новом мире» дело совсем плохо, в «Знамени» и «Октябре» — немножко лучше, но всюду список писателей, «состоящих» в редколлегии, намного больше списка действующих. Между тем совершенно очевидно, что люди, не работающие в журналах, не имеют никаких оснований подписывать эти журналы и числиться в них членами редколлегий.

Разумеется, вовсе не обязательно, чтобы все члены редколлегии несли одинаковый объем работы. Члены редакционной коллегии, давая согласие на то, чтобы войти в нее, вправе, в соответствии со своей творческой индивидуальностью, возможностями, вкусом, оговорить себе тот или иной, больший или меньший круг обязанностей; но, раз приняв на себя круг обязанностей, следует их и выполнять. Таков обычай у всех советских людей, и у писателей нет причин делать для себя исключение.

По установившемуся в Союзе писателей порядку, и порядку, в принципе правильному, в состав редакционных коллегий входят писатели, возглавляющие отделы прозы, поэзии, критики, публицистики, т. е. люди, вместе с главным редактором непосредственно отвечающие за эти отделы. Беда только в том, что, за исключением журнала «Звезда», где члены редколлегии действительно являются фактическими редакторами отделов, в остальных редакциях большинство редакторов отделов ничего или почти ничего не редактируют, авторов не принимают, над рукописями не работают и в лучшем случае являются своего рода разовыми консультантами, от времени до времени подающими советы и даже далеко не всегда присутствующими на заседаниях редколлегий.

Но ведь кто-то же редактирует отделы прозы, публицистики, поэзии, критики? Не один ведь главный редактор делает это? Да, конечно, эти отделы редактируются; они редактируются работниками аппарата журнала, не обозначенными на его обложке, но зато реально работающими в нем. В очень многих случаях эти работники и являются настоящими редакторами отделов; они заменяют фиктивных или полуфиктивных, не работающих вовсе или работающих от случая к случаю членов редколлегий.

Среди таких редакционных работников есть немало людей с опытом и вкусом, людей, справляющихся с работой, хорошо ведущих свои отделы. Встречаются среди них и люди, не имеющие ни достаточного вкуса, ни достаточного кругозора и ведущие руководимые ими отделы серо, бесталанно.

Как быть с этим положением, которое реально существует в ряде журналов и которое нет ни смысла, ни пользы замазывать? Очевидно, выход один: следует изменить неправильную практику, при которой на обложке числятся одни, а работают другие. Члены редколлегий, редактора отделов, числящиеся таковыми, но не работающие, должны сами выбрать: или приступить к работе, если на то есть желание и умение, или освободить место для тех, кто захочет, сможет и будет работать. После этого состав редакторов следует пополнить и за счет выдвижения наиболее способных редакционных работников, практически выполняющих эту работу, и за счет широкого привлечения новых писательских сил, причем не только по принципу «именитости», но прежде всего по принципу деловитости, интереса к делу.

Те члены редколлегии, которые, входя в нее, не берут на себя основной работы — руководства отделами журнала, тем не менее должны иметь ясное представление о своих обязанностях, должны взять на себя пусть меньший, но определенный объем работы, заранее зная, что на эту работу надо регулярно выделять определенное количество времени. Только при такой постановке вопроса редколлегии смогут стать вполне работоспособными органами коллективного руководства журналами.

Только при такой постановке вопроса исчезнет бытующий сейчас в некоторых редколлегиях чуждый советскому обществу стиль работы. Главный редактор журнала сплошь и рядом ведет себя по отношению к членам редколлегии чуть ли не как проситель, а некоторые члены редколлегий, изредка вспоминая о своих правах, начисто забывают о своих обязанностях. Иногда главный редактор или его заместитель пишут членам редколлегии письма, образцы которых стоит привести:

«Я вас очень мало утруждаю делами по редколлегии... Но на этот раз убедительно прошу прочесть... Надеюсь, не откажете...»

«Мы никак не хотим забыть, что вы член редколлегии, посылаем вам рукопись...»

«Впервые обращаюсь к вам, как к члену редколлегии... Верим, что вы не забыли о существовании журнала и его читателей...»

Дело тут, разумеется, не в фамилиях адресатов, дело именно в нетерпимом **стиле** работы. Такой стиль отражает отсутствие коллегиальности и деловитости в работе редколлегий и, что самое главное, — отсутствие должного понимания того, какие высокие и важные задачи возложены на литературно-художественные журналы.

Через журналы приходит к читателю большинство наиболее значительных, талантливых, имеющих право претендовать на широкое читательское внимание, произведений. Журналы в своих публицистических выступлениях должны ставить самые животрепещущие вопросы современности. Журналы должны своими критическими статьями направлять литературу — помогать писателям избавляться от недостатков, совершенствовать свое мастерство, помогать читателям развивать высокий, безошибочный литературный вкус. Таковы задачи журналов, с которыми они справляются еще далеко не в полной мере, а стало быть, эти задачи тем более ответственны и неотложны.

Помнить об этих задачах должны все те литераторы, которым как членам редколлегий, оказано большое общественное доверие, поручено коллективное руководство журналами.

Помнить об этом должно правление Союза советских писателей: его право и обязанность — принять самые неотложные меры к решительному улучшению работы редакционных коллегий литературных журналов, одновременно повысив и авторитет главных редакторов и их права при формировании действительно работоспособных редколлегий.

А. М. Горький говорил: «По самому существу литературного дела редакции литературных органов должны являться основными звеньями непосредственной связи и работы с писателями. Редакции журналов и издательств, занимаясь практически и каждодневно литературной продукцией, имеют большую, чем какая-либо другая организация, возможность ставить творческие вопросы на конкретном литературном материале, идейно и художественно воспитывать писателей на живом деле, диференцированно учитывая все своеобразие дарования, подходить к каждому писателю...»

Заботясь о процветании нашей литературы, мы не вправе ни на минуту забывать об этих словах ее великого зачинателя.

ОЧЕРЕДНОЙ ТОМ «ВОПРОСОВ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Изучению языка и стиля М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, А. Фадеева, Л. Леонова и А. Твардовского посвящен второй том «Вопросов советской литературы», подготовленный Институтом русской литературы (Пушкинским домом). Книга вышла в издательстве Академии наук СССР. Помимо исследовательских статей, посвященных виднейшим представителям советской литературы, в томе дана хроника «Советские писатели в борьбе за мир» (1948—1952).

Институт русской литературы опубликовал также в издательстве Академии наук СССР четвертый том «Литературного архива». В книге помещены материалы о жизни и творчестве А. Пушкина, Н. Гоголя, Н. Добролюбова, Н. Некрасова, И. Гончарова, И. Тургенева, В. Короленко. Впервые, в частности, опубликован недавно найденный автограф стихотворения А. Пушкина «Я видел вас, я их читал».

Международные отклики

КРИЗИС КАБИНЕТА ВО ФРАНЦИИ

Рис. Бориса ЛЕО

Свыше двух недель длится правительственный кризис во Франции. В истории Четвертой республики это не такой уж большой срок: случались кризисы, для разрешения которых требовалось в два и три раза больше времени. Характерно, однако, что буржуазную печать Франции беспокоит сейчас не столько отсутствие французского правительства, сколько отсутствие какой-либо определенной, независимой французской политики.

Газета «Монд», в частности, сетует на то, что Франция не имеет своей «доктрины» и что именно отсюда проистекают все ее беды. Ибо, как пишет газета, «для того, кто не знает, куда он идет, нет попутного ветра». По мнению «Монд», отсутствие своей «доктрины» сильно сказывается прежде всего на двух проблемах, затрагивающих Францию, — индокитайской и германской.

«Монд» призывает к самостоятельности в вопросе об Индо-Китае и отказу от попыток пресловутой «интернационализации» войны во Вьетнаме. «Каждый раз, когда война в Индо-Китае,— пишет «Монд»,— становится немного меньше французским делом и немного больше делом международным, она лишь обостряется». Опасаясь «бесконтрольного суверенитета Западной Германии, ее ничем не обусловленного вооружения, прямого соглашения между Германией и Америкой», «Монд» считает, что «Франция должна согласиться и даже предложить переговоры с целью воссоединения Германии и проведения свободных выборов».

Выступление газеты «Монд» очень показательно для настроений определенной части французской буржуазии, которая все сильнее ощущает, что политика подчинения США невыгодна для нее, ухудшает ее экономические позиции. В самом деле, если взять войну в Индо-Китае, ежегодно поглощающую более 700 миллиардов франков, то она выгодна лишь части французских монополий, имеющих непосредственные «индокитайские интересы». Зато другая часть французских капиталистов не может не видеть, что заокеанские бизнесмены, пользуясь занятостью Франции в Индо-Китае, все больше прибирают к своим рукам Французскую Северную Африку и другие колонии Франции.

Впрочем, и в самом Индо-Китае американские монополисты оттесняют своих французских конкурентов под шумок «интернационализации». Интересным в этом отношении является признание Поля Рейно, сделанное им еще в конце 1951 года. «Вы, американцы,— говорил Рейно,— получаете из этих стран (стран Индо-Китая.—**Лит.**) 89 процентов потребляемого вами натурального каучука и 52 процента олова. Следовательно, в смысле материальных выгод, мы защищаем в Индо-Китае не столько свои интересы, сколько ваши».

Известно, что одной из главных причин падения кабинета Мейера явился его отказ от каких-либо самостоятельных шагов в области внешней политики. Мейер выступал за продолжение войны в Индо-Китае, ратовал за ратификацию противоречащих интересам Франции боннских и парижских договоров (Мейер заявлял: «Необходимо, чтобы Германия участвовала в обороне Запада»). Известно также, что Поль Рейно, которому было поручено формирование нового кабинета, не получил необходимых полномочий от Национального собрания. Могильщику Франции, который в свое время немало способствовал капитуляции страны перед Гитлером, не удалось пробраться к власти. Выдвинутая им внешнеполитическая программа не только мало отличалась от программы Рене Мейера, но и шла значительно дальше по пути лишения Франции независимости.

После поражения Рейно формирование правительства было поручено радикал-социалисту Пьеру Мандес-Франсу. Характерно, что этот политический деятель неоднократно высказывался в пользу прекращения войны во Вьетнаме. Мандес-Франс требовал в своих выступлениях «открытия переговоров с Хо Ши Мином, чтобы положить конец конфликту в Индо-Китае». Он неоднократно заявлял, что расходы на войну в Индо-Китае и на гонку вооружений являются для Франции непроизводительными. Говоря о Мандес-Франсе, агентство Франс Пресс многозначительно отметило, что он «никогда не брал обязательств в отношении европейской армии».

В своей правительственной декларации Мандес-Франс признал, что Франция зависит от США, и высказал намерение ослабить эту зависимость. Он намекнул на необходимость прекращения войны во Вьетнаме. Однако его заявления звучали нерешительно и робко. К тому же, выступая в прениях, Мандес-Франс отошел даже и от этих робких предложений. Даже агентство Франс Пресс отметило, что после того, как Мандес-Франсу поручили формирование кабинета, он стал рассматривать внешнеполитические проблемы «в несколько ином свете». Мандес-Франс явно старался заручиться поддержкой крайне правых депутатов.

При голосовании во французском Национальном собрании Мандес-Франс разделил судьбу Рейно и потерпел поражение. Комментируя это событие, демократическая газета «Либерасьон» писала, что поражение Мандес-Франса явилось следствием того, что он наивно полагал изменить политический курс без поддержки трудящихся масс и людей, которые представляют эти массы. Мандес-Франс взывал к «совести», «чести», к чему угодно и к кому угодно, но только не к народу, только не к трудящимся.

Большинство французского народа требует изменения политики Франции. В специальном заявлении, сделанном по поводу правительственного кризиса, Коммунистическая партия Франции призывает к созданию «демократического и национального правительства, которое удовлетворит требования трудящихся масс, поставит национальную экономику на службу мирному труду, восстановит суверенитет страны и будет способствовать тому, чтобы чаша весов перетянула в пользу мира».

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА

На фото — Берлин. Точнее — улица одного из берлинских предместий в секторе американской оккупации. На одной стороне квартала — уцелевшие дома; на другой — расчищенные жителями, аккуратно огороженные и оставшиеся невосстановленными развалины.

Путь для коренных жителей города здесь закрыт, потому что по улице проходит колонна оккупационных американских войск. Пожилой немец, вышедший с мальчиком на прогулку, остановился: придется переждать. Оба, старик и мальчик, терпеливо присели на цементный парапет, отделяющий узкий тротуар от развалин.

У старика — две палки с толстыми наконечниками, палки инвалида.

Что принудило его ходить с этими палками? Старость? Рана, полученная на фронте? Осколок бомбы, уничтожившей дома, которые стояли за парапетом?

И не о своей ли ране думает он, глядя на вооруженных солдат, проходящих мимо?

Вспоминает ли он прошлое или пытается заглянуть в будущее,— так или иначе, он крепко задумался, этот старый инвалид-берлинец.

Он многое запомнил за свою долгую жизнь, и мы не ошибемся, если скажем: он не хочет, чтобы к этой колонне примкнули шеренги его соотечественников, одетых в солдатскую форму и вооруженных на такой же манер. Он помнит, чем это кончается, к чему это приводило Германию. Он хочет иной судьбы для мальчика, который сопровождает его. Он хочет, чтобы этот мальчик увидел улицы без развалин, Берлин, не разделенный на секторы, единую Германию, в мирном труде созидающую счастье своего народа.

А к мальчику еще не пришли трудные мысли. Он только обращается к старику с молчаливым вопросом: долго ли еще им сидеть в ожидании? Когда, наконец, и они смогут итти дальше, своим путем?

ЛИТЕРАТОР

КРЫМСКОЕ ЯБЛОКО

М. МИХАЛЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

1.

Широкой известностью пользуется Южный берег Крыма. Но многие ли слышали о Белогорске, находящемся в том же Крыму? Он расположен в предгорье, приблизительно на половине пути от Симферополя до Феодосии, действительно весь белый — белые дома, белеет на солнце твердая, сухая земля.

Белогорск — центр одного из самых крупных районов плодоводства в Крыму. Из четырнадцати колхозов района двенадцать — миллионеры, причем некоторые из них получают не один, не два, а несколько миллионов рублей дохода в год. Наибольший доход им приносят яблоки.

Кто не знает «розмарина», «бумажного ренета», «шафрана» — этих прославленных сортов яблок! Кто не запомнил с детства «сары синапа» и «кандиль синапа», нарядных, ярких, как игрушки; ими принято украшать елки, их так и прозвали в народе — «крымскими яблоками». В литературе можно найти описания, как в ту пору, когда в России почти не было железных дорог, крымские яблоки возили санным путем в Москву, а там перегружали в вагоны для отправки в Петербург. Путешествие на санях продолжалось полмесяца, и надо было уберечь от мороза уроженцев юга.

В наше время «розмарин», «бумажный ренет», «кандиль синап» и другие сорта научились выращивать и в Краснодарском крае, и в Азербайджане, и в Дагестане, однако от этого Крым не утратил своего значения.

Как же обстоит дело с яблоками в Крыму?

В мае я был в Белогорске. Запоздавшая и сверх меры капризная в нынешнем году крымская весна наконец-то взялась за ум. Яблони зацвели. Они зацвели по всему предгорью — в долинах Салгира, Альмы, Карасевки и других рек и речушек, сбегающих с гор. Сады стояли торжественные, полные благоухания, и только ровный гул пчел да звонкие голоса дроздов нарушали строгую тишину.

В садах мне довелось познакомиться с агрономами, бригадирами, звеньевыми. Надолго запомнились эти люди и их рассказы о борьбе с заморозками, нередко случающимися в пору цветения садов, о непрерывной войне с мышами, с долгоносиком, плодожоркой, о том, как плодоводы добиваются того, чтобы яблони давали урожай каждый год.

...Мы сидим на молодой траве с агрономом из совхоза «Предгорье» Михаилом Васильевичем Воробьевым, высоким, худощавым, с дотемна загорелым лицом и в добела выцветшей кепке.

— Взгляните, красота какая, — показывает Воробьев на розоватый лепесток, упавший на траву. — Художник так не нарисует. А когда вызреет яблоко, возьмешь его...— он вытягивает руку, словно действительно что-то держа на ладони,— вот он, плод моего труда, ему ребенок радоваться будет! Нет, это очень правильно сделано в отношении цен — фрукты должны быть всем доступны! А ты, плодовод, давай разводи садов побольше, говорит советская власть. Так или не так, Яша? Ты расскажи, Яша, как ты студентом был.

Яша, точнее Яков Кузьмич Насташенко, сидит рядом. Он бригадир, ему сорок шесть лет.

Из дальнейшего разговора выясняется, что Насташенко совсем недавно окончил школу садоводов, два года вместо зарплаты получал стипендию. Выясняется, что он не один такой,— почти все бригадиры крымских плодовых совхозов прошли через эту школу, если до того не имели среднего агрономического образования.

Вот другой агроном из того же совхоза — Владимир Васильевич Раков, туляк, окончивший институт в Мичуринске. По его собственному выражению, он «всю войну воевал и мечтал о Крыме»; студентом он проходил здесь практику. Представления о будущей мирной жизни связывались у него с работой в Крыму, где сама природа сулит плодоводству огромные возможности. Как только война закончилась, Раков устремился к своей цели, решив посвятить себя любимому делу.

Итак, в Крыму благодатнейшая природа, богатые традиции плодоводства, в садах немало энтузиастов своего дела, и это люди знающие, подготовленные. В прошлом году сады Крыма дали хороший урожай. При задании в 40 центнеров плодов с гектара колхозы собрали по пятидесяти, а в Белогорском районе — по семидесяти центнеров. Это была веселая, добрая осень. На воротах совхозов, в газетах, на улицах городов и поселков — всюду были объявления: требуются люди на уборку. По дорогам носились грузовики, окутанные облаками освежающего и чуть пьянящего запаха яблок. Этот запах стоял на станциях железных дорог, на складах, он исходил от товарных вагонов, и даже пыль в крымской степи пахла, казалось, яблоками. В «Главконсерве» Министерства легкой и пищевой промышленности СССР, куда входят плодовые совхозы, подсчитали, что за прошедший год у них в Крыму было собрано фруктов больше, чем в довоенном 1940 году.

Однако сразу же надо сказать, что в крымских совхозах большая часть садов посажена в тридцатых годах. Перед войной многие деревья только начинали плодоносить; теперь их мощность возросла в несколько раз.

Поэтому довольствоваться успехами, достигнутыми в сравнении с довоенным временем, конечно, нельзя. Результаты надо сопоставлять с возможностями. Крым мог бы давать гораздо больше фруктов, но плодоводство здесь до сих пор еще не избавилось от губительных последствий войны и вражеской оккупации. Не восстановлены полностью площади под садами. И дело не только в площадях.

2.

В Белогорском районе я познакомился с Алексеем Павловичем Романенко из колхоза имени Молотова. Этот колхоз — один из крупнейших, с доходами в несколько миллионов рублей.

Звено Романенко — наглядный пример возможностей крымского плодоводства. В прошлом году звено сняло в среднем с гектара по 180 центнеров фруктов — в четыре с половиной раза больше задания и в два с половиной раза больше того, что дал в среднем район. На участке у Романенко многие яблони уже несколько лет подряд дают плоды ежегодно.

Алексей Павлович — человек среднего возраста, загорелый, как и все плодоводы. В первые же минуты знакомства я невольно вспомнил слова, кем-то сказанные о нем: «Романенко думает над деревом». Эта характеристика очень к нему подходит. Побывав у него, получишь наглядное представление о том, что такое звеньевой передового садоводческого звена в богатом колхозе. Скажу только, что, не считая всего прочего, Романенко получил на трудодни за прошлый год одних только яблок 3 тонны 80 килограммов.

Хочется подробнее передать разговор со звеньевым Романенко, мысли этого человека, видимо, хорошо им продуманные.

— Плодовое дерево требует любви, — приблизительно так говорил он. — Человек должен понять душу сада, иначе у него ничего не выйдет. Будет полное соблюдение агротехники, будут и плоды. Лично я испытал призвание к саду с малых лет.

Наше дело благодарное. Но вот я вам приведу небольшой пример. У моего звена участок — десять с половиной гектаров. На таком участке должно быть самое малое 1350 деревьев, а у нас — 900. Не хватает 450 деревьев. Значит, фактически только семь гектаров у меня полезных, а остальные три с половиной — пустая земля. Почему же земля гуляет там, где и вода есть и хозяйство налажено? Как это можно назвать?.. Мы просили в районе: дайте саженцев для подсадки. В прошлом году колхозу выделили немного для закладки молодого сада, а на подсадку так и не дали...

Гибель плодовых деревьев в Крыму во время войны привела не только к прямому сокращению площадей, — она вызвала изреженность садов. Совхозы большей частью сумели справиться с этой изреженностью, подсадить молодняк на пустых местах, но в колхозах до сих пор недостает трети деревьев. Большинство садов здесь принадлежит колхозам.

В колхозном саду (Крым).

Не ясно ли, что завтрашние успехи крымского плодоводства решаются сегодня в питомниках?

Под Симферополем, в двенадцати километрах, существует плодопитомнический совхоз. Он находится в ведении Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР и снабжает саженцами колхозы. Ежегодно в совхозе засевают положенное число гектаров земли «семечковыми» и «косточковыми» — так специалисты делят плодовые деревья на две категории, — посевы благополучно всходят, но уже на следующий год выясняется, что из-за плохого ухода немалая часть саженцев оказывается негодной. В прошлом году совхоз выполнил только третью часть плана: вместо 190 тысяч саженцев дал 65 тысяч. Непонятно, как министерство, а с ним и Крымское областное управление сельского хозяйства и заготовок терпят такую работу совхоза.

Но послушаем дальше, что говорит звеньевой Романенко.

— Плодовое дерево опылять надо, опрыскивать от вредителей и болезней. Но у нас не хватает опрыскивателей. Есть один только «Пионер» да в МТС еще «Окс», из-за которого у нас происходят конфликты. Нам говорят, что во время работы трактор быстро должен итти, иначе, мол, струи не получится, не будет давления. А получается вот что: тракторист жмет между рядами на полной скорости, а у меня в руках шланг. Он прокатил, а я один только ряд опрыснул, на второй ничего не попало. «Поворачивай, — говорю трактористу, — еще раз пройдем». Не поворачивает — директор МТС не разрешает. «Будет, — говорит, — пережог горючего в МТС. Вы мне платите тогда за сто метров, как за двести». Ругались с директором несколько раз, да это ни к чему не привело.

— Пройдемте сейчас по саду, — продолжал звеньевой, — я вам покажу, если вы сами не обратили внимания. До сих пор деревья у нас в лунках стояли. А теперь мы решили весь сад вспахать. Посмотрите, какая получилась картина: междурядья вспаханы, а вокруг стволов кольца от лунок остались. Это трактор «КД» работал. Его специально для сада придумали, чтобы был небольшой, чтобы ему ветки не мешали. Все хорошо, одно плохо — пашет он старым плугом. Каким на поле под пшеницу, таким и сад. Конечно, с ним страшно близко к дереву подходить — корни повредить может. Что же получается? Трактор, машину сложную, сделали, а плуга для сада сделать не можем? А ведь нам после такой вспашки придется вручную докапывать...

Конечно, мне могут сказать: ты, Романенко, недооцениваешь техники. Как прежде, например, с вредителями боролись? Мальчишки по деревьям лазили и колотушками стучали по веткам, долгоносиков стряхивали. А теперь авиация плодоводу помогает. Идет самолет над садом и деревья опыливает бордосской жидкостью или порошком «ДДТ»... Все правильно, шаг большой сделан, но к чему нам назад оглядываться, на прошлое? Я считаю, ни к чему. Нам вперед надо итти.

Еще один факт приведу из жизни. Есть у меня семнадцать яблонь сорта «ландсберг». Деревья огромные и прирост ежегодно дают большой, а урожай маленький — по два-три центнера. Дело в том, что после цветения они завязь сильно сбрасывают, чуть не вся она осыпается. Почему такое происходит? Обратился я к научному сотруднику по плодоводной части, что к нам в колхоз приезжал, так он, знаете, как мне ответил? «Может быть, эти яблони чересчур сильные? Ты попробуй ослабить их, подрубить корни». Науку я уважаю, но, признаться, рубить корни у яблони пока не решился. Это легко сказать — попробуй. А что, если получится не польза, а вред? Наука, по-моему, уверенно говорить должна плодоводу: делай так и так, потому и потому. Верно?

3.

Беседы с другими крымскими садоводами показали, что их волнуют те же наболевшие вопросы. И дело не только в том, что не все сады восстановлены и велика их изреженность, а еще и в том, что здесь садоводство мало механизировано. В Крыму лишь понаслышке знают о машинах для рытья ям под саженцы и роют их вручную лопатами. А ведь на гектар нового сада нужно ни много ни мало — около полутораста ям. Плодоводы Крыма ждут от промышленности увеличения производства опрыскивателей и специальных тракторов. Им нужны культиваторы, специальные садовые плуги. Пока такие плуги существуют лишь в виде опытных образцов. Не пора ли приступить к массовому серийному производству их? Наконец, не хватает хороших ножей и секаторов. Маловато удобрений и химикатов для борьбы с вредителями.

Не меньший счет предъявляют садоводы Крыма к представителям сельскохозяйственной науки. Во-первых, все та же старая и сложная проблема ежегодного плодоношения яблонь. В Крыму над ней уже не первый год работает зональная плодово-ягодная опытная станция. Станция связана с колхозами и совхозами, она достигла некоторых результатов на отдельных участках. Но все это — лишь первые шаги. Во-вторых, проблема борьбы с падалицей. Ежегодно не менее трети урожая крымских яблок осыпается на землю. Что, если решить задачу хотя бы наполовину? Ведь это значит — дать народу дополнительно тысячи тонн фруктов.

Наконец, крымские сады просятся в степь, как говорят плодоводы. Пора вывести их за тесные рамки речных долин. Никитский ботанический сад уже немало поработал и продолжает работать над этим. Но разве не следует принять участие в этом деле другим научным учреждениям, и не только крымским?

Большой урон урожаю в садах наносят весенние заморозки, часто случающиеся в Крыму. Плодоводы борются с ними старинным способом — дымом, кострами из сухого навоза. А что, если бы отдалить цветенье яблонь недели на две? Тогда и заморозки были бы не страшны. Такую задачу поставила перед собой одна из кафедр Крымского сельскохозяйственного института имени Калинина, но решает ее в слишком скромных масштабах, малыми средствами, без размаха.

Сельскохозяйственной науке следует уделять больше внимания плодоводству. Хочется верить, что с ее помощью Крым уже в ближайшие годы вернет свою былую славу родины лучших яблок.

БЕЛОГОРСК, Крымской области

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

БЛАГОДАРНАЯ ЗАДАЧА СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Советские люди законно гордятся успехами отечественного здравоохранения, успехами нашей медицины. Это и понятно. Каждая новая победа науки означает, что усилия врача, стоящего на страже человеческого здоровья, сегодня окажутся более могучими, нежели были вчера, что удастся сохранить и продлить жизнь многих тысяч граждан нашей страны. За последние годы немало в этом отношении сделала отечественная онкология — наука, изучающая злокачественные опухоли. Корреспондент «Литературной газеты» обратился к директору Государственного онкологического института имени П. А. Герцена профессору А. Савицкому с просьбой рассказать о существе раковой болезни и путях борьбы с ней.

Вот что сообщил профессор А. Савицкий.

Понятие «рак» объединяет в себе представление о некоторых различных по своей тяжести и характеру заболеваниях, которые обнаруживаются у человека в виде злокачественных опухолей. Это заболевание, известное еще в древности, распространено ныне во всех странах мира. Однако далеко не во всех странах борьба с этой болезнью поставлена по-настоящему широко, имеет государственную поддержку. Советский Союз оказался первой в мире страной, где само государство приняло на себя все заботы и расходы по лечению и предупреждению этой болезни.

Решающую роль в этой борьбе играет профилактическое направление нашего здравоохранения. Возрождена разрушенная войной сеть онкологических учреждений, а специально назначенная комиссия в составе крупнейших ученых еще в 1944 году разработала план борьбы против рака.

В сравнительно короткий срок специализированные противораковые учреждения появились по всей стране. Сейчас, например, в каждом краевом, областном и во многих районных центрах РСФСР имеется онкологический диспансер, призванный не только лечить, но, что очень важно, пользуясь массовыми осмотрами населения, активно выявлять больных в возможно более ранней стадии болезни. Кроме того, в республике при каждом онкологическом диспансере имеется ряд районных онкологических пунктов, деятельность которых также направлена на раннее выявление рака. О том, как росла сеть этих пунктов, свидетельствуют, например, такие цифры: в 1946 году мы учитывали больных в 110 городах, три года спустя — уже в 487, а еще через два года — в 1025 городах страны. С нынешнего года специальные онкологические пункты появятся и в сельской местности. Ничего подобного не знала старая Россия, где от «неизвестных причин» умирали миллионы людей. Ничего подобного не знают и современные буржуазные государства.

— Смысл всей этой мощной сети, повторяю,— заявил проф. А. Савицкий,— мы видим прежде всего в том, что заболевший раком, где бы он ни жил, немедленно получит врачебную помощь; раковые болезни неизмеримо проще лечить именно в первые недели и месяцы. Успехи лечения рака, таким образом, самым непосредственным путем оказываются связанными с успехами работы профилактической сети. Выявить рак во-время — значит вдвое-втрое повысить шансы больного на излечение. Понятно поэтому, какое огромное значение придаем мы, онкологи, массовым профилактическим осмотрам населения. За последние три-четыре года врачи обследовали на предприятиях и в учреждениях миллионы мужчин и женщин.

Обычно принято думать, что профилактика болезни беспочвенна, если наука не знает причины заболевания. Это неверно. Проведенные учеными наблюдения над развитием злокачественных опухолей и эксперименты на животных говорят о другом. Дело в том, что злокачественные опухоли, как правило, развиваются не на здоровых тканях, а на тканях, длительное время пораженных другим, не раковым заболеванием. В науке эти предшествующие болезни получили название предраковых состояний. Выявлять и лечить их (а это и есть профилактика) можно и нужно. Наш многолетний опыт подтверждает это. Не зная еще всех причин возникновения рака, современная наука тем не менее успешно борется с ним. Профилактика уже спасла и спасает многие человеческие жизни.

Цифры, которыми я располагаю, приводят меня к твердому выводу, к которому, кстати, постепенно приходят и многие ученые за рубежом: рак — заболевание не растущее! С такой же уверенностью мы можем заявить о безусловной незаразительности этой болезни. За многие годы мы не знаем ни одного случая заболевания раком наших врачей и обслуживающего персонала, несмотря на самый тесный их контакт с больными.

Излечим ли рак? На этот вопрос проф. А. Савицкий ответил утвердительно.

— Я и мои коллеги по институту,— заявил он,— на основании нашего немалого опыта утверждаем, что рак излечим. Можно привести много случаев, когда больной после проведенного лечения избавляется от своей болезни, становится трудоспособным, причем признаков этой болезни у него не наблюдается по многу лет. Я лично знаю десятки и сотни людей, которые здравствуют вот уже пять-десять-пятнадцать лет после операции и проведенного лечения. Доказано на большом материале, что наиболее распространенные формы рака — рак желудка, матки, грудной железы, губы, языка, прямой кишки и других органов — излечиваются гораздо чаще, чем это думают.

Конечно, в каждом отдельном случае, подчеркнул проф. А. Савицкий, исход болезни определяется многими обстоятельствами. Здесь играет роль и возраст больного, и орган, в котором локализуется опухоль, и «возраст» опухоли, т. е. длительность ее развития в тканях. Многое должен учитывать врач для того, чтобы точно поставить диагноз и назначить правильное, рациональное лечение. Но дело не только в усилиях медика.

Неоднократно случалось наблюдать, насколько успешнее излечиваются люди, сохранившие бодрость и твердую веру в выздоровление. Это явление имеет под собой строгую научную основу. Оно базируется на учении академика И. П. Павлова об активном направляющем влиянии центральной нервной системы, в том числе и нашей психики, на процессы заболевания и выздоровления.

— Больше веры в свои силы и силы медицины — вот чего желаю я своим пациентам, ибо в этом — один из залогов их выздоровления,— заявляет проф. А. Савицкий.

Современная онкология владеет тремя лечебными методами: хирургическим, включая электрохирургию, лучевым (рентгенотерапия, радиевая терапия) и сочетанием их, т. е. комбинированным методом лечения. Постепенно нарастает также эффективность химиотерапии. Лечение рака этими методами обеспечивает высокий процент излечимости.

Благодаря совершенствованию методов лечения растет число благоприятных исходов. По данным онкологического института имени П. А. Герцена, рак кожи, например, леченный на ранних стадиях заболевания, дает до 95 процентов стойкого излечения. Высокий процент выздоровления дает своевременное лечение рака губы, языка, грудной железы. Даже при раке желудка — наиболее частой форме злокачественных опухолей — во-время произведенная операция дает свыше сорока процентов стойкого выздоровления. Очевидно, что успехи в этой области будут расти. Процент выздоравливающих, по мнению проф. А. Савицкого, может быть еще больше, если шире пропагандировать среди населения элементы медицинских знаний и проводить более широкую работу по повышению онкологической квалификации сотен тысяч врачей не онкологов — хирургов и терапевтов. Стоит указать, что с каждым годом все меньше и меньше больных обращается к врачам с запущенными формами рака. Поэтому из года в год стойкое излечение становится все более распространенным результатом врачебной помощи.

— Научное решение проблемы рака идет по двум направлениям,— заявил в заключение беседы проф. А. Савицкий.— С одной стороны, попытки разработки методов ранней диагностики и создания эффективных средств лечения, с другой — по пути выяснения причин, вызывающих болезнь. Научные искания онкологов уже дали немало ценного в теории и лечебной практике. Однако в короткой беседе изложить эту большую и сложную тему не представляется возможным. Скажу лишь: успехи онкологии, так же как успехи нашей профилактической и лечебной работы, подают надежду, что усилиями советской медицины и эта болезнь будет побеждена.

Заметки о лирике Пушкина

Ал. СЛОНИМСКИЙ

Есть два стихотворения — две «Птички», написанные почти в одно и то же время (одно в 1823 году, другое в 1827-м). Оба в восемь строк, оба писаны четырехстопным ямбом и на одинаковую тему: и там и тут речь идет о птичке, выпущенной из клетки.

Вот первое стихотворение:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Ни одного искусственного оборота, ни малейшего напряжения — все просто, как обыкновенный разговор или отрывок из дневника. Начальные слова: «В чужбине...» сразу указывают на обстоятельства, при которых написано стихотворение: поэт в изгнании, в неволе, и в этих условиях ему, естественно, становится особенно дорог «родной обычай старины». Точно обозначено время: «светлый праздник весны», то есть праздник освобождения земли от зимнего плена. Все в стихотворении конкретно, реально, связано с личным восприятием поэта и вместе с тем все ведет к одной цели — служит выражением того стремления к свободе, которое составляет типичную черту передовых людей эпохи. Конкретный случай на наших глазах вырастает, приобретает широкий общественный смысл.

А вот другое стихотворение, пользовавшееся популярностью и даже помещавшееся в хрестоматиях:

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

Само по себе стихотворение как будто и не плохо, но все же в сравнении с первым оно «темно и вяло». Ни авторского лица, ни реальной обстановки. Даже птичка, которая «исчезла, утопая», и «как бы молилась за меня», кажется условной, не настоящей, похожей на того сентиментального «сизого голубочка», который «тихонько слезы льет» в старом романсе И. И. Дмитриева.

Стоит ли называть автора первого стихотворения? Это, конечно, А. С. Пушкин. Автор другого стихотворения — Ф. А. Туманский, ровесник Пушкина и его одесский приятель. У Пушкина — ссылка на реальный народный обычай, народный склад речи, экономия средств, простота и т. д. У Туманского — неопределенность, придающая стихотворению сентиментальный характер.

Стихотворение Пушкина — всегда кусок его биографии, но вместе с тем и отражение эпохи. Этим сильна даже и интимная, так сказать, «домашняя» его лирика:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!

Достаточно этого грустного обращения, чтобы понять все: и характер отношения поэта к няне, и обстоятельства, с которыми связано стихотворение. Ничего прямо не сказано: ни о ссылке (только намек), ни о московской суете, в которую поэт погрузился после деревенского уединения, ни о бенкендорфовской опеке, под которую он попал. Но все это ощущается, как подтекст. Иной раз по голосу, по интонации, даже из другой комнаты, угадываешь, что втайне «волнует, бесит» человека, хотя бы он говорил совсем о другом и старался скрыть свои чувства. Так и здесь: в этой особенной нежности к няне, в этом воспоминании о покинутом деревенском уединении, во всей этой простой, задушевной, истинно народной речи слышится сожаление, тоска, отражается не только личное настроение поэта, но и вся тревожная атмосфера последекабрьского исторического момента. «Домашняя» тема начинает звучать политически, хотя о политике в стихотворении ни слова.

Таково же и обращение к Пущину:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил...

Это «и я» сразу вводит нас в биографию поэта. Кажется, что мы присутствуем при последнем прощании друзей. Мы слышим слезы в голосе поэта и, ничего еще не зная, видим уже всю силу их давней связи, понимаем, чего стоит им вечная разлука, угадываем те трагические причины, которыми она вызвана. В частном, «домашнем» и здесь открывается общая мысль, непроизвольно вдохновляющая поэта: это ненависть к тиранам, посылающим в «заточенье» лучших людей.

В лирике Пушкина всегда слышен живой голос события, сквозь поэтическую призму его стихотворений постоянно проглядывает истинное происшествие. Эта черта сказывается у Пушкина с лицейских времен. Везде в его лицейских стихотворениях ощущается реальная обстановка, которую юный поэт умеет обрисовать двумя-тремя чертами.

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.

В четырех строчках дано все: и место действия (парк на берегу озера), и то, что автору восемнадцатый год, и то, что дело происходит весной, перед окончанием лицея («в последний раз, быть может, я с тобой...»), и то, что автор с товарищем идут, взявшись за руки. Все стихотворение воспринимается поэтому, как задушевная беседа с другом во время уединенной прогулки.

Юношеская ода Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» написана в архаическом «высоком» стиле, но и тут, в чуждом для себя жанре, он проявляет свою оригинальность. Державин имел обыкновение начинать свои оды с эффектной картины природы. Точно так же и Пушкин начинает с лунного пейзажа царскосельского парка. Но пейзаж у молодого поэта гораздо конкретнее, чем державинские пейзажи. Это не парк вообще, а именно царскосельский парк с его озером, памятниками и т. д. Перед нами не отвлеченный автор, а именно юноша-лицеист, безвыездно живущий в тесном соседстве с царскосельским парком.

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Чувства эти типичны для эпохи Отечественной войны 1812 года: не у одного Пушкина сжимались кулаки и лились слезы при вести о занятии Москвы. Но эти патриотические чувства принимают у него личный характер, связываются с собственными детскими воспоминаниями.

«Вольность» увлекала в свое время декабристскую молодежь и до сих пор еще производит впечатление не только своей политической программой (кстати, довольно умеренной), но и темпераментом молодого автора, его энтузиазмом и живой, одушевленной речью.

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Это тон и жесты молодого трибуна. Вся ода — ряд быстрых, стремительных движений:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!..

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...

И среди этих бурных призывов, скорбных возгласов («Увы! куда ни брошу взор...») и торжественно возвещаемых формул куницынского «естественного права» («Лишь там над царскою главой...»), — возникающие перед умственным взором поэта картины-примеры:

Восходит к смерти Людовик...
Когда на мрачную Неву...

Эта «детская», по собственному признанию поэта, ода легка, порывиста, вся соткана из живых, психологически (а не логически) мотивированных эмоциональных движений. И в каждом слове видны личность автора, обстановка, момент:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает...
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —
И слышит Клии страшный глас...

Чем определеннее выбранный угол зрения, тем ярче ложатся свет и тени, точнее вырисовываются очертания предметов, яснее и шире раздвигается перспектива. Этот художественный закон особенно важен в таком жанре, как лирика, требующая максимальной краткости и выразительности. В этом отношении Пушкин всегда останется для нас высоким образцом.

Что изумительно в пушкинской лирике, — это ее подвижность. Поэт не топчется на месте, не увязает в том или ином мотиве — он все время стремится вперед. И как неожиданны иной раз и вместе с тем грациозны и психологически правдивы эти переходы!

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...

Резкие антитезы, суровая, сжатая речь — и после этого внезапный поворот к личной, интимной теме и к простой, «разговорной» интонации, не то шутливой, не то лукавой:

Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

Мрачное лицо поэта как будто вдруг озаряется светлой улыбкой. И все это на пространстве нескольких строчек!

Такие же перебои тона и в «Евгении Онегине», романе «лирическом» по преимуществу. Если бы убрать из «Евгения Онегина» лирический элемент, то роман потерял бы половину своего обаяния. Слово «влюблена» в сцене признания Татьяны, благодаря троекратному повторению, доходит до максимальной лирической экспрессии:

«...Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена»,
— Дитя мое, господь с тобою! —
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлою рукой.
«Я влюблена», — шептала снова
Старушке с горестью она.
— Сердечный друг, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена».

С каждым повторением это «влюблена» звучит все решительнее, тверже, восторженнее. Лирика Татьяны как бы подавляет растерянные патриархально-благочестивые реплики няни. На той же лирической высоте держится далее и авторская речь:

И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы,
И распущённые власы,
И капли слез, и на скамейке
Пред героиней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной телогрейке;
И все дремало в тишине
При вдохновительной луне.

И после этой скрипичной мелодии сейчас же (через строфу) переход к онегинскому, ироническому тону:

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима...

Доведя рассказ до высшей лирической точки, поэт, как будто для того, чтобы скрыть свое волнение, принимает по-онегински светски насмешливый вид.

В плане статьи о русских песнях (для «Современника») есть у Пушкина загадочный пункт: «лестница чувств». Неизвестно, разумел ли здесь поэт всю гамму чувств, заключающуюся в песнях вообще, или же лирическое движение темы в пределах одной песни. Скорее всего последнее, ибо «лестница чувств» — одна из типичных особенностей как композиции народных песен, так и пушкинской лирической композиции. В стихотворении «Я помню чудное мгновенье» каждая пара строф образует определенную ступень этой «лестницы»: в первой паре — радостное воспоминание о первой встрече; во второй — жизнь «во

Уменье видеть главное

Ефим ДОРОШ

В сборнике Вадима Кожевникова «Мера твердости» есть рассказы и повести, написанные и в тридцатых, и в сороковых, и в пятидесятых годах. Иные писались в ту пору, когда нынешние студенты-первокурсники только появились на свет, другие — когда эти юноши и девушки впервые пошли в школу. Но, думается, и тот, кто читал эти рассказы в год их написания, и тот, кто познакомится с ними только сегодня, с интересом и волнением прочитает многое из того, что включено в сборник.

И когда думаешь о причинах этого «долголетия», прежде всего вспоминаешь школу советского литератора-очеркиста, которую прошел Вадим Кожевников. В каждом его рассказе угадываешь редакционное задание, благодаря которому писатель познакомился со своим героем,— командировку из горьковских «Наших достижений» в пору первых сталинских пятилеток, или же служебное предписание фронтовой газеты в годы Великой Отечественной войны. От зоркости очеркиста, от политической нацеленности его — умение выбрать главное, отбросить случайное, наносное, поставить в центре рассказа подлинного, типичного для своего времени героя.

Рассказы Вадима Кожевникова по-хорошему тенденциозны, писатель откровенен в своей любви и ненависти. В качестве примера приведу рассказ «Варвар», написанный семнадцать лет назад, в 1936 году. Силой ненависти к миру двуногих зверей-собственников, человечностью, нежной, я бы сказал, аллегоричностью сюжета рассказ этот напоминает Короленко, Горького.

Варвар — щенок, единственный из щенят, кого оставил хозяин Опанас Кондратыч, обварив остальных кипятком. Автор не говорит, что за человек Опанас Кондратыч, как он живет, чем занимается, каковы его достатки. Он изображает лишь, как хозяин воспитывал пса, чтобы злее был, как спускал его на специально загнанных во двор бездомных собак, «а сам, забравшись на крыльцо, наслаждался зрелищем собачьего боя»; как на потеху своим пьяным гостям стравил пса с волком. И перед нами возникает образ настоящего варвара — деревенского кулака, его быт, характер. Когда Опанаса Кондратыча раскулачили, собаку взял старый чабан. Все теми же средствами, показывая лишь отношение человека к собаке, писатель изображает уже другой характер — ласковый, спокойный, трудолюбивый.

Мы довольно много говорим о мастерстве, в частности о мастерстве рассказа, но иной раз говорим так, будто мастерство существует само по себе, как сам по себе существует прекрасный кувшин, который красив независимо от того, что в него налито — вода или вино.

Мастерство Вадима Кожевникова сказывается и в том, что он основательно, не понаслышке знает дело, каким заняты его герои, и в том, что он умеет выразительно, поэтично изображать это дело. Почти все его рассказы — это рассказы о деле человеческом, а люди, о которых он пишет,— труженики, солдаты. Отлично зная технологическую, что ли, сторону той или иной профессии, писатель вместе с тем не щеголяет этим, не превращает рассказ в некий беллетризованный технический или военный справочник. Это знание позволяет ему окружить героев рассказа такими деталями и подробностями, которые воссоздают картину подлинной жизни.

В рассказе «Сорок труб мастера Чибирева» писатель изображает, как молодая женщина, ставшая впоследствии знаменитым мастером кладки высотных труб, впервые поднялась на вершину заводской трубы. «Плотная, тяжелая и теплая воронья стая неслась на трубу, заслоняя свет, обдавая нагретым птичьим запахом». Ощущение высоты передано всего лишь одной подробностью — теплый птичий запах летящей вороньей стаи, знакомый только «высотнику».

Или еще такого рода пример, взятый из рассказа «Под ледяной крышей».

В рассказе идет речь о том, как фашисты, взорвав плотину, выпустили воду из замерзшего озера в балку, создав таким образом водную преграду нашему атакующему подразделению. Надо было либо построить переправу (но для этого не было времени), либо наступать по льду озера (а это означало понести большие потери). Командир подразделения нашел третий выход: спуститься под лед и скрытно ползти к врагу по дну озера.

«Дно озера проросло водорослями, жухлыми, как осенняя мертвая трава под снегом. Ползли, как по болоту. Источенные водой днища льдин были дряблыми и пористыми. Из них капало. Ползли, как под сильным дождем. Лед над головами был голубым от пропитавшего его лунного зарева. Но свету было не больше, чем от белесого ствола березы в темную ночь».

Наконец, последний пример, точно так же свидетельствующий о том, как основательное знание дела дает возможность писателю кратко и метко — а это особенно важно для рассказа — изобразить обстановку, увидеть ее изнутри, глазами своих героев.

«От многочисленных пробоин в крыше на чердаке становилось все светлее и светлее»,— читаем мы в рассказе «Дом без номера» и видим, всем существом своим ощущаем не только этот свет, как бы разрушающий защитный сумрак чердака, но и то, чем он вызван,— все усиливающийся огонь противника.

Так возникает у читателя близость с героями рассказов.

А изображены они прежде всего в деле, и то, как делается ими это дело, уже рисует некоторые черты характера. Можно ничего не знать о капитане Жаворонкове из широко известного, исполненного поэзии рассказа «Март — апрель», но достаточно прочитать, как Жаворонков, находясь в тылу врага, голодный и усталый, готовит себе и радистке Михайловой обед из последнего сухаря, чтобы догадаться о характере человека — выдержанном, твердом.

«Выкопав в снегу яму, он прорыл палкой дымоход и забросал его отверстие зелеными ветвями и снегом. Ветви и снег должны были фильтровать дым, тогда он будет невидимым. Наломав сухих веток, капитан положил их в яму, потом вынул из кармана шелковый мешочек с пушечным полузарядом и, насыпав горсть пороха крупной резки на ветви, поднес спичку.

Пламя зашипело, облизав ветви. Поставив на костер жестяную банку, капитан кидал в нее сосульки и куски льда. Потом он вынул сухарь, завернул его в платок и, положив на пень, стал бить по сухарю черенком ножа. Крошки он высыпал в кипящую воду и стал размешивать. Сняв банку с огня, он поставил ее в снег, чтобы остудить».

Показывая, как деловито и умело работают его герои, как самоотверженно сражаются они с врагом, оставаясь и на войне смекалистыми, работящими людьми, мастерами на все руки, писатель раскрывает и другие стороны характера советского человека — уважение к культуре, нерушимое товарищество, чистое, дружеское отношение к женщине. Напомним хотя бы историю любви капитана Жаворонкова и радистки Михайловой или то, какой чуть грубоватой товарищеской любовью окружена танкистка Катя Петлюк из одноименного рассказа.

Хочется сказать еще об одной особенности Вадима Кожевникова как рассказчика, о том, что он смело вводит во многие свои рассказы авторские рассуждения. В иных случаях, например, в рассказе «Семь дней», автор прибегает к афористичной концовке: «Защищая Родину, не кричат о своих подвигах»; в других, например, в «Рассказе о любви», он как бы обобщает мысли героев: «Тут уж ничего не поделаешь. Когда много мужчин и среди них одна женщина, мужчины любят эту женщину бескорыстно и чисто, пока она сама остается такой».

Подобного рода авторские рассуждения, введенные в беллетристическую ткань, звучат, как голос лирического героя. Они уместны и хороши, когда естественно вытекают из того события, которое взволновало автора, когда мысль, высказанная им, происхождением своим обязана увиденному и пережитому. В противном же случае возникают рассудочность и риторичность, пагубные для искусства.

Если говорить о слабых рассказах сборника, то слабость их именно в этой риторичности. В рассказе «Мастера расчета» есть фраза: «Управляют этими приборами люди сильного разума, твердого сердца и виртуозного мастерства». Но этих людей писатель не изобразил хотя бы эскизно, хотя говорит о них довольно много. Вместо изображения жизни, изображения человека и его дела мы встречаем лишь такие вот утверждения: «Линейные Забазнаев и Куфшерин сутками не вылезали из ледяной и едкой воды Сиваша». Автор мог бы назвать еще и не такие подвиги своих героев, мог сказать о них сколько угодно красивых слов, но мы не поверим ни в твердость сердца, ни в силу разума, ни в виртуозность мастерства, пока это не будет изображено. В искусстве никогда не веришь на слово.

Если в одних случаях риторичность возникает оттого, что мысль автора не опирается на изображение и весь рассказ, в сущности, состоит из некоей информации о событиях, которых мы так и не увидели, то в других эта риторичность обязана своим происхождением заранее заданной идее. Создается впечатление, что идея родилась не из наблюдений писателя, а из решения написать, к примеру, о том, какой заботой, даже в трудные годы войны, окружены в нашей стране дети («Новогодний рассказ»). Но для воплощения этой идеи у писателя, надо полагать, не было достаточного запаса живых наблюдений, не было взволновавших его фактов. Была лишь общеизвестная истина: детей у нас любят, ради детей наши люди способны на подвиг. Да еще было литературное умение — умение построить сюжет, нарисовать пейзаж, портреты людей. И тут вместо точной подробности, благодаря которой воображение воссоздает всю картину, такую похожую на действительно существующую и вместе с тем такую необычную, словно ты увидел ее впервые, появляются такого рода общие, неконкретные описания: «красивый каменный замок», такого рода общие, нисколько не выражающие характер именно этого человека сентенции: «Где это видано в армии, чтоб оставлять товарища в трудную минуту!» В «Новогоднем рассказе» нет прямых авторских заявлений, писатель, казалось бы, стремится выразить идею через поступки героев, и все же рассказ риторичен, потому что автор написал его, не углубляясь в содержание.

Но не отдельные слабые рассказы определяют лицо сборника. Они попросту заметнее рядом с рассказами хорошими, которых куда больше в книге. И в связи с этими хорошими рассказами сожалеешь о том, что с 1947 по1950 год писатель написал всего лишь пять-шесть рассказов, что в последующие годы, изредка встречая в газетах и журналах очерки Вадима Кожевникова, мы почти не встречали его рассказов.

Писатель напрасно охладел к жанру, в котором он успешно работал много лет.

Вадим Кожевников. «Мера твердости». Повести и рассказы. «Советский писатель». М. 1952 г. 607 стр.

ПЬЕСА И ЕЕ ИСТОЛКОВАНИЕ

В. СУХАРЕВИЧ

Повествуя о мировых событиях, эпических по своему размаху и значению, пьеса Алексея Арбузова «Европейская хроника» сохраняет вместе с тем лирическое звучание. В ней переданы атмосфера жизни и быта героев, их настроения и переживания, повороты их личных судеб в зависимости от политических событий. Время и судьба человека—такой подзаголовок можно дать пьесе.

За шестнадцать лет, которые длится действие пьесы,— с августа 1936 года по май 1952 года, — происходили и величайшие победы, одержанные в лагере социализма, и величайшие потрясения и трагедии, к которым привели мир капитализм и самая отвратительная его разновидность — фашизм. Драматург ставит своих героев—писателей, художников, журналистов, общественных деятелей Европы — перед лицом исторических событий, которые властно требуют от них решений, действий, ясной, определенной позиции.

Людей, которые на своем личном опыте узнали человеконенавистническую сущность фашизма, жизнь заставляет ответить на неумолимый вопрос: за кого вы, мастера культуры? На этот вопрос люди доброй воли и чистой совести, такие, как писатель Люне, художник Шарлюс, журналистка Йенсен, партийный работник Лунд, отвечают твердо и уверенно, они говорят фашизму «нет». Они — бойцы интернациональной бригады в Испании, герои Сопротивления, сторонники мира. Мерзавцы и эгоисты вроде Гаральда Хога, бездарного поэта и космополита, и трусы, такие, как журналист Бергстед, становятся либо властителями денежного мешка, либо его лакеями.

Борьба за мир — самое неодолимое движение современности, и Арбузов как бы персонифицировал, перевел в образы, характеры, воплотил в личности историю этого грандиозного общественного движения.

Такой замысел пьесы предопределил и ее достоинства и ее недостатки. Пока события отражены в действиях, поступках, чувствах и отношениях героев, пока они тесно вплетены в их существование, скажем, как в первом акте,— вы ощущаете дыхание жизни. Но как только герои становятся вестниками и комментаторами событий, хроника берет верх над драмой, действие превращается в повествование, как, скажем, в четвертом акте.

Если встречи всех почти героев в каждом акте, при каждом самом крутом повороте в политической жизни Европы кажутся достаточно оправданной условностью, то в четвертом акте этот условный прием становится явно искусственным. Здесь герои подводят только итоги своей жизни за полтора десятилетия; они собираются не для действия, а для деклараций, и это явно снижает эмоциональное воздействие пьесы.

Достоинства и недостатки пьесы по-разному сказались в двух спектаклях московских театров — имени Ермоловой и имени Вахтангова, поставивших пьесу Арбузова.

***

В спектакле театра имени Ермоловой (режиссер А. Гончаров) строже, скромнее оформление (художник А. Васильев), сдержанней движения, не так остры мизансцены, и, кажется, даже глуше, чем в театре Вахтангова, звучат голоса актеров. Много событий происходит в мире, но все они должны отражаться в сердцах и душах человеческих, и к ним как бы заставляет нас чутко прислушаться театр.

В первом акте на веранде небольшой гостиницы Копенгагена мы встречаем почти всех героев пьесы, за судьбой которых нам придется следить. И вот о том, что будет с каждым из них, ни один почти актер не поспешил объявить сейчас же, немедленно.

Анри Шарлюс, французский художник (В. Якут), изящный, веселый, непринужденный, почтительно ухаживает за простой и милой девушкой Дагни (О. Николаева) — дочерью хозяина гостиницы. Писатель Эдвард Люне (И. Соловьев) дружески трунит над поэтом Гаральдом Хогом (Л. Галлис). Мы заметили благородные, изысканные манеры Шарлюса и его запальчивые заблуждения. Он говорит, что живопись — это только линии и краски, что она должна быть бессодержательна. Нас еще забавляют богемная развязность Хога, его веселый и злой цинизм. Проста, сердечна и юношески непосредственна Дагни. Театр и актеры поняли, что здесь важно представить не только каждую индивидуальность, но и ту подчеркнутую снисходительность, которую каждый индивидуалист внешне проявляет к явным заблуждениям другого, разумеется, пока этот другой не мешает ему жить. Даже господина Аппеля, фабриканта оружия, получившего заказы от гитлеровцев, в этом кругу хоть и осуждают, но внимательно выслушивают. Однако эти терпимость и всепрощение — лишь иллюзия мира и благодати.

Мне думается, что, создавая атмосферу жизни,— а в первом акте ермоловского спектакля она превосходно создана,— театр проявил доверие к уму и проницательности зрителя. Нельзя актеру с первых же реплик роли обнажать весь сокровенный смысл, все существо образа. К идейным выводам надо приводить языком образов, а не дидактикой, убивающей на сцене все живое. Нам и в жизни не интересны люди, о которых мы знаем все и ничего нового от которых не ждем, а на сцене они и вовсе холодные схемы.

И первый акт «Европейской хроники» в Ермоловском театре так хорош именно потому, что нам представлены разные люди и мы должны угадывать, искать, представлять себе будущую судьбу каждого из героев по едва намеченным чертам характера, по отрывочным репликам и с виду малозначительным поступкам. Так мы становимся как бы активными соучастниками действия.

К сожалению, во втором акте режиссура и актеры несколько отступают от стиля, который они сами избрали для воплощения этой пьесы. Правда, тут и драматург забывает по временам о том, что в драматической хронике нельзя слишком торопливо сообщать о событиях и комментировать их, а надо выразить в действии их влияние на судьбы героев. А здесь чрезвычайно много событий. В Париже, в кафе, 29 сентября 1938 года встречаются почти все обитатели отеля художников в Копенгагене. Большинство героев только что вернулось из Испании, и каждому есть что рассказать. В Мюнхене идет сговор английских и французских правящих кругов с Гитлером и Муссолини. Каждый герой должен высказать свое к этому отношение, определив тем самым и свою дальнейшую судьбу. Здесь происходят две разлуки — Дагни с Люне и Марии с Бергстедом, два предательства — Хога и Бергстеда. Здесь парижане ожидают мюнхенских решений, встречаются ветераны интернациональной бригады. Всех этих событий слишком много для того, чтобы в памяти отчетливо запечатлелись главнейшие из них. Поэтому актеры в этом акте за свое кратковременное пребывание на сцене усиленно подчеркивают, педалируют те реплики, которые важны для дальнейшего развития образов, для судьбы каждого героя. Избежали этой ошибки, может быть, только Якут — Шарлюс и Галлис — Хог. Превосходно играя свои роли на протяжении всего спектакля, они остаются яркими индивидуальностями, ни разу не выключаясь из ансамбля, не забывая об общении с партнерами. Остальные: И. Соловьев — Люне, Л. Орданская — Мария, О. Смирнов — Бергстед, Ю. Медведев — гарсон Ги и даже О. Николаева — Дагни, хорошо сыгравшая в первом акте, упростили свои задачи, несколько прямолинейно и подчеркнуто выразили чувства и переживания своих героев. И как это ни парадоксально, их чрезмерно горячие усилия породили легкий холодок в зрительном зале. Объясняется это тем, что актеры показали тут не развитие и движение чувств, а лишь их результат.

Театр, стремясь донести интимные переживания героев, иногда приглушает проявление их больших чувств, политической активности. Поэтому хоть и убедительно, но несколько монотонно, без большого темперамента играет свою роль писателя Эдварда Люне И. Соловьев. И совсем уже лишен огня и страсти в роли коммуниста Оге Лунда В. Лекарев. И Соловьеву и Лекареву надо показать в своих героях их чувства, их глубочайшую внутреннюю убежденность, как источник силы и непреклонности их характеров. Тогда ярче проявятся и могущество их правды и сила их идей. Пусть скупо и сдержанно трактованы образы всех главных героев этого спектакля, они должны вырастать от все прибывающего внутреннего огня.

В ермоловском спектакле есть цельность, есть единый ансамбль. В нем как бы отразился дух единения, сплотивший всех честных людей в рядах сторонников мира. Это единение — великое завоевание, достигнутое в борьбе против фашистского варварства и агрессии. Мы увидели, как люди, прошедшие через горнило второй мировой войны, испытавшие на своем опыте ее причины и следствия, всей глубиной мысли и чувства, всей честью и совестью художников приведены к убеждению, что долг честного человека — в активной борьбе за мир, в том, чтобы преградить путь войне.

***

Спектакль в театре имени Вахтангова внешне ярче, красочней и, хочется сказать, пестрей спектакля ермоловцев. В самом деле, здесь не только в блистательных эффектах оформления, на которые такой мастер художник В. Рындин, но и во всем строе актерской игры, в мизансценах, в обрисовке каждого, даже эпизодического персонажа больше остроты и эффектности.

Режиссеры спектакля Р. Симонов и А. Ремизова прочувствовали реалистические основы почти каждого образа пьесы, душевный строй и характер каждого героя. Но они отчасти утратили, я бы сказал, интимную интонацию, лирический ритм пьесы. Не всегда полагаясь на чувства, режиссеры стремятся оживить образы героев и действие пьесы, казалось бы, острыми, но неоправданными приемами.

Вот появился на сцене живой, энергичный и очень нам интересный человек — художник Анри Шарлюс, который в исполнении М. Астангова более умен и рассудочен, но менее эмоционален, чем тот метр Анри, который написан у автора. У автора сказано, что при первом своем появлении Шарлюс «с восторгом смотрит на девушку, освещенную солнцем», на Дагни, склонившуюся над книгой. На сцене же Дагни (Г. Пашкова) поливает вьющиеся цветы и, не заметив спрятавшегося за ними метра, обливает его... водой. Можно, конечно, и так «оживить» эту сцену. Но зачем? Веселая и забавная возня (Дагни извиняется, Анри вытирает лоб) почти снимает настроение, приглушает смысл сцены. А ведь в ней художник должен выразить чувство глубочайшего преклонения перед чистой, романтической, лишенной всякого кокетства, предельно простой девушкой. Но, к сожалению, искренние излияния тут превращаются в игру. Может быть, поэтому талантливая актриса Пашкова так и не смогла на протяжении всего первого акта найти правильный искренний тон для выражения чувств Дагни — «ангела с белыми крылышками», как ее называет художник.

Это отнюдь не означает, что всякая игра, всякая острая режиссерская находка в этом спектакле введена вопреки стилю пьесы или мешает выражению чувств героев. Та же Пашкова во втором акте, в парижском кафе, играет превосходно. Теперь она опытная актриса, делец от искусства и, так сказать, падший ангел. И тут картинность ее поз, заученная живописность жестов и движений, наконец, наигранная искренность как нельзя кстати. Тут театральность и есть выражение истинной сущности героини.

Но не все, что сделано во втором акте театром, нужно и необходимо для оживления действия. Тут выступают парижские уличные певцы с куплетами, разящими мюнхенцев, здесь спорят два старых парижанина, загримированных под Флобера и Ромэн Роллана, здесь возникает очень «парижский» роман живописной пары с поцелуями за столиком. Гремит джаз. Танцуют пары. Люди, пол-акта просидевшие за столиками с видом завсегдатаев кафе, вдруг начинают петь песню испанских республиканцев. Но когда падает занавес, в вашей памяти остается буйство красок, изобилие зрительных впечатлений, и вы ловите себя на том, что эффектов было слишком много, что среди них потерялись очень существенные для судьбы героев слова и поступки.

Не только в «парижском» — и в других актах игра во имя игры, так явственно ощутимая в режиссерской трактовке спектакля и в отдельных актерских работах, нарушает цельность и реалистическое звучание спектакля. Нельзя, например, понять, почему такой талантливый актер, как И. Толчанов, в роли Теодора Аппеля—владельца судостроительной верфи—медленно, с растяжкой произносит слова, держится принужденно, никак не может скоординировать движения. Кто он? Ханжа? Кретин? Педант? Что́ изображает актер,— определить невозможно. Он изобрел для своей роли «острый рисунок» и, видимо, совершенно не подумал о том, что сей рисунок должен выражать. А рисунок без мысли — всегда пустоцвет.

К счастью, не все актеры и не всегда режиссура прибегают к таким средствам «оживления спектакля». Там, где они доверяют драматургу и вниманию зрителя к проявлению искренних чувств, к взлетам острых мыслей,—рождаются живые человеческие образы. Таким стал Оге Лунд, который в исполнении А. Абрикосова хоть и несколько простоват, но показан сильным, твердым, убежденным человеком; это — Мария Йенсен, которую Е. Измайлова рисует, как складывающийся на наших глазах правдивый и непреклонный характер; это — Эдвард Люне, в роли которого В. Емельянов успешно преодолевает некоторую дидактичность образа, успешно ищет и безусловно найдет ту пламенность, ту непреклонность, с какой люди защищают и отстаивают свои добытые в борьбе, выстраданные среди суровых испытаний убеждения. Если сгладятся отмеченные выше недостатки в игре Пашковой — Дагни и Астангова — Шарлюса, актив у спектакля будет внушительный. Но в этот в общем удачный спектакль досадным диссонансом вплетаются разностильность актерской игры, те постановочные излишества и та чрезмерная пышность, которые явно нарушают драматическое повествование о том, как приходит чувство правды в сердце человека и как он встает на борьбу за эту правду.

***

Постановка одной пьесы в двух таких различных по стилю и творческому направлению театрах, как имени Вахтангова и имени Ермоловой, ставит большую и важную проблему. Речь идет об истолковании пьесы театром. Театры, принимая пьесы к постановке, должны трезво оценивать, соответствуют ли стиль их игры, направление их режиссуры и актерского мастерства стилю драматурга.

Мне думается, что для постановки пьесы А. Арбузова, по преимуществу лирической, даже несколько камерной, у театра имени Ермоловой было больше внутренней творческой подготовленности. Здесь создано немало лирических по своему звучанию спектаклей, таких, как «Счастье», «Спутники», «Старые друзья» и другие, где проявились черты своеобразия ермоловцев как художественного коллектива, умеющего доносить интимные переживания, неуловимые движения души, за тихим словом — учащенное сердцебиение героя. Поэтому здесь не много отступлений от стиля, который нужен для постановки лирической пьесы Арбузова.

У театра имени Вахтангова иные пристрастия, другие творческие традиции. Здесь любят сильные романтические страсти, острую форму, броские, яркие краски. В этом неоспоримое достоинство театра, его художественное своеобразие, отразившееся во многих его лучших спектаклях. Но при постановке пьесы Арбузова зрелому творческому коллективу надо было подумать об обновлении средств сценического воплощения пьесы. Театр не всегда и не во всем этого добивается. Поэтому многие его находки, изобретения, трактовка некоторых ролей вступают в противоречие со стилем драматурга. Острая вахтанговская форма не выражает часто внутреннего содержания арбузовской пьесы, ее лиризма.

Растет и зреет наша советская драматургия, рождаются пьесы, в которых драматурги заявляют о себе, как мастера со своим стилем, со своим голосом. И чтобы не было разноголосицы у театра с драматургом, очень важно знать, для каких голосов написана эта пьеса и по вкусу ли она и по возможностям тем, кто собирается ее исполнять. Только в тесном творческом единении и содружестве театра и драматурга, только во взаимной их близости залог того, что у нас будет много пьес хороших и разных и много театров, которые ставят близкие им по духу и стилю пьесы.

мраке заточенья», забытая любовь; в третьей — восторг воскресшей любви при новой встрече. Такие же переходы в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (мрачные думы о смерти — мысль о «*милом пределе*» — привет «младой жизни»), в песне Мэри в «Пире во время чумы» (прежняя радостная жизнь — мрачная картина кладбища — любовь, торжествующая над смертью) и т. д. Это лирическое движение резко отличает пушкинскую лирику от монотонии Жуковского, Баратынского и других романтиков. Пушкинская лирика почти всегда драматична; это пушкинское свойство унаследовали Лермонтов и в особенности Некрасов.

Подвижность пушкинской лирики связана с другим ее отличием — разнообразием, многогранностью и вместе с тем с ее стилистической полифонией. Есть поэты, и даже хорошие поэты, застывшие в одной созерцательной позиции. Не таков Пушкин. Он деятелен, активен, и это отражается в его лирике, как и во всем его творчестве. Его лирический герой — он сам, и действует этот лирический герой всегда в окружении людей, природы и вещей предметного мира. В «Зимнем утре» картина русской зимы рисуется сквозь призму его личных настроений, в сочетании со всей внешней обстановкой:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.

Все это представлено в виде разговора с любимой девушкой, простого, обыденного, отмеченного народными словечками:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...
А нынче... погляди в окно...

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Рядом с этим — чистая музыка лирической речи:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня...

Эти переливы тона, отражающие малейшие лирические движения, придают пушкинскому стихотворению необыкновенную прелесть.

У Пушкина не было искусственного прилаживания к народному стилю — народные элементы сами собой, совершенно естественно входили в его лирику, как и во все его творчество. «Он редко подделывается под народный язык русских песен, — писал Герцен, — он выражает свою мысль так, как она появляется у него в уме». К народному стилю и народным формам Пушкин обращался тогда, когда этого требовала художественная необходимость. В седьмой, «Татьяниной», главе «Евгения Онегина», как одна из деталей весенней картины, изображается вылет пчелы из улья:

Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.

Это весна, видимая из помещичьего окна (хотя бы и из окна «русской душою» Татьяны). Но вот тоже весна, только ранняя, и тоже пчела — на этот раз «пчелка»:

Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

В первом случае пчела — только деталь в общей картине. Здесь она героиня: поэт следует за ней, глядит ее глазами. Это природа, рассматриваемая вблизи, в своей внутренней жизни, так, как рассматривает ее крестьянин, живущий с ней в постоянном общении. Все поэтому здесь ощутимо, осязательно, напоено ароматом: не «келья восковая», а «душистая келейка медовая» и «чудное царство восковое», листочки — «клейкие», черемуха — «душиста» и т. д. Разве можно было бы передать все это иначе, чем в народной форме? Этот маленький отрывочек (начало какого-то стихотворения, а может быть, и сказки), брошенный Пушкиным, является одним из перлов русской поэзии. Мало кто сумел бы так передать в немногих словах всю нежность и радость первого весеннего пробуждения.

В стихотворном языке Пушкина сливаются, не мешая друг другу, но, напротив, друг другу аккомпанируя, различные элементы — книжные, разговорные, народные и т. д. Все это — только стилистические краски, которые употребляются в нужные моменты, в зависимости от лирических переходов, чередования тем и т. д.

Прав был Белинский, когда говорил, что «...лиризм, существуя сам по себе, как отдельный род поэзии, входит во все другие, как стихия, живит их, как огонь прометеев живит все создания Зевеса». Это особенно верно относительно Пушкина. Лирика, как основа, как скрытая стихия, чувствуется не только в его лирических поэмах и лирическом романе (который почти неотделим от лирики), но и в его драматургии, а отчасти и в прозе. Пушкин с самого начала выступил, как лирик, и оставался лириком до конца, хотя и обращался к другим жанрам. Можно сказать, что Пушкин—из лириков лирик. Его лирика — летопись его жизни, но вместе с тем и летопись эпохи. Он сравнивал себя с «эхом». Но пушкинское «эхо» далеко не бесстрастно: оно звонко откликается на все новое, молодое, идущее вперед, и судит и карает то, что мешает, тянет назад и давит на человека. В целом пушкинская лирика— исповедь одного из лучших людей знаменательной эпохи, переходной от декабристов к поколению революционных демократов.

Революционизирующая сила пушкинской лирики заключалась не только в «Вольности», «Кинжале» и других стихотворениях с революционной тематикой, но и во всех его стихотворениях, даже касающихся ничтожных, с первого взгляда «домашних», предметов. Пушкинская лирика повествовала о человеке, о его радостях, стремлениях и разочарованиях, задевала дремавшие сердечные струны, пробуждала дух независимости, «чувства добрые», гуманность, очеловечивала людей, и это имело — и имеет до сих пор — огромное значение. «Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты», — писал Пушкину поэт Дельвиг. То же самое разумел и Герцен, когда писал о последекабрьском периоде: «Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений...». Лирика Пушкина, как и вся его поэзия, была живым протестом против гнета и насилия.

Памяти М. Сабировой (Айдын)

После продолжительной болезни скончалась узбекская советская писательница Сабирова Манзура (Айдын).

Манзура Сабирова родилась в 1906 году в Ташкенте и прошла большую трудовую жизнь. Преодолев в свое время тяжелые условия семейного гнета, она сумела окончить в 1923 году женское педагогическое училище и через год выступила с пьесой «Шаг к новому», в которой отразила горестную судьбу узбекских женщин в условиях власти шариата и их героическую борьбу за свое раскрепощение. В 1930 году Манзура Сабирова заканчивает узбекскую Государственную педагогическую академию. Вскоре широко известными становятся ее рассказы, очерки и стихи.

С 1931 года вышел в свет ряд сборников произведений писательницы на узбекском и русском языках. Верная дочь Коммунистической партии, Манзура Сабирова сочетала писательскую работу с большой общественной деятельностью. Она была депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, членом президиума Союза советских писателей Узбекистана, редактором журнала «Женщина Узбекистана». За заслуги в области литературы и общественной деятельности Манзура Сабирова была награждена орденом «Знак Почета» и медалями.

Светлый образ узбекской писательницы, скромного, благородного человека, навсегда сохранится в памяти знавших ее людей.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

***

В целях увековечения памяти писательницы и общественной деятельницы Манзуры Сабировой (Айдын) Совет Министров Узбекской ССР поручил Министерству культуры республики в течение 1953—1954 годов подготовить и издать избранные произведения Айдын на узбекском и русском языках.

Совет Министров Узбекской ССР удовлетворил просьбу Ташкентского городского отдела народного образования и присвоил имя Сабировой (Айдын) семилетней женской школе № 106 г. Ташкента.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ЖЕНЩИН

КОПЕНГАГЕН СЕГОДНЯ

Ханс ШЕРФИГ

Всемирный Конгресс женщин открылся сегодня в Копенгагене.

В Дании сейчас еще продолжается весна. Она как-то незаметно сменила мягкую, влажную зиму. Не было дружной оттепели. Не было резкой перемены погоды. Правда, свет стал каким-то иным, правда, воздух зазвенел какими-то новыми звуками. И все же настоящего тепла еще нет. Ранняя весна — это период ожидания. Позже придет зелень, еще позже — летняя жара. А в июне в Дании продолжается весна. Короткое лето наступает только после летнего солнцестояния. Время ожидания тянется долго.

Нынешняя весна была особенно полна ожидания. Снова расцвела надежда, снова возродился оптимизм. Силы лагеря мира окрепли в нашей стране. Это сказалось на целом ряде событий. Сказалось во время политических выборов, как и во время плебисцита по вопросу о новой конституции. Проявилось в растущем сопротивлении народных масс милитаризации страны и иноземному вмешательству. Вспомним протест солдат против удлинения срока военной службы, протест, который не заглушают и сотни приговоров по обвинению в «мятеже». Вспомним солидарность населения с осужденными солдатами. Не забудем и о растущем числе сторонников мира. Все это, вместе взятое, говорит о том, что народ начинает сознавать свою силу.

Никто не сомневается в том, что датский народ хочет мира. Тем не менее эта воля к миру проявилась не сразу. Точно так же в период войны и оккупации никто не сомневался в том, каково истинное отношение датского народа к фашизму. Тем не менее прошло немало времени, прежде чем движение Сопротивления добилось успеха. В нашей стране период созревания бывает длительным. Длительным, как весна. Однако дело приходит — пусть медленно, но верно.

Нынешней весной в Копенгагене собрался Всемирный Конгресс женщин. В датскую столицу прибыли женщины со всех краев земного шара. Они приехали из тропиков и из холодных стран. Они приехали с южных рисовых полей и со скалистых берегов Норвегии и Исландии. Исландские делегатки прибыли к нам почти одновременно с двадцатью делегатками Индии. Индийские женщины жалуются на нашу холодную погоду. Но так как в составе их делегации — министр здравоохранения, они не тревожатся о своем здоровье. К тому же надо сказать, что только погода встречает зарубежных гостей прохладой. Датчане оказывают делегаткам теплое, сердечное гостеприимство. Делегаткам предоставлены все возможности поближе узнать население нашей страны.

Всемирному Конгрессу предшествовала большая подготовительная работа. Она была возложена на датскую секцию Международной демократической федерации женщин. Женщины Дании в течение длительного времени готовились к проведению Конгресса. Хотя буржуазные газеты и радио почти не упоминали о Конгрессе, он находится в центре внимания общественности. Копенгагенские гостиницы не могут вместить всех зарубежных и отечественных делегаток. Но сотни частных домов распахнули свои двери навстречу гостям. Люди, до сих пор ничего общего не имевшие с Международной демократической федерацией женщин, теперь открыли двери своих домов.

Во Всемирном Конгрессе участвуют свыше восьмисот женщин. Помимо делегатов на Конгрессе присутствует свыше 1.000 гостей. Их обслуживает множество технических сотрудников — переводчиков, секретарей, стенографисток и т. д. Конгресс происходит в одном из крупнейших копенгагенских спортивных залов. Все помещения здания, в котором находится этот зал, использованы для Конгресса. В них оборудованы ресторан, почта, туристское бюро и специальная телефонная станция. Группа известных датских художников и художниц приняла участие в оформлении помещения. Все вспомогательные учреждения Конгресса помещаются в особых палатках. Будет устроена выставка подарков, привезенных делегатками, и выставка подарков, которые датские женщины преподносят своим зарубежным гостям.

Конгресс продлится несколько дней. Языками Конгресса будут арабский, английский, французский, китайский, русский, испанский и немецкий. Конгресс утвердил следующую повестку дня: 1. Задачи женщин в борьбе за завоевания и защиту прав женщин как матерей, тружениц и гражданок; 2. Итоги и перспективы действий женщин в защиту мира и интересов женщин и детей; 3. Выборы руководства Международной демократической федерации женщин. Со вступительной речью выступила Эжени Коттон. Доклад по первому пункту повестки дня сделала г-жа Андреа Андреен (Швеция).

Завтра, в субботу, в крупнейшем спортивном зале Копенгагена для зарубежных гостей будет дан концерт, в котором примут участие лучшие датские музыканты — исполнители, певцы и королевский балет. В воскресенье в копенгагенском парке состоится гулянье. В понедельник вечером организуется факельное шествие.

Не приходится говорить об огромном международном значении встречи женщин всех национальностей. Влияние этого исторического Конгресса скажется во всех странах земного шара. Датские женщины считают для себя большой честью, что местом проведения Конгресса была избрана Дания. Для женщин нашей маленькой страны встреча с женщинами различных наций, рас и общественных слоев — большое событие. Эта встреча вдохнет в них новое мужество и новые надежды. Конгресс пробудит активность людей, которые до сих пор не представляли себе силы международной женской солидарности. В сознании этой солидарности почерпнут новую энергию люди, которые борются за равноправие мужчин и женщин, за лучшие условия жизни и лучшее будущее.

Конгресс женщин имеет значение для всего человечества. Председатель датского отделения Международной демократической федерации женщин госпожа Рут Херманн ясно заявила, что Конгресс не отделяет борьбу мужчин от борьбы женщин. Женщины и мужчины должны совместно бороться за разрешение всех проблем.

Рут Херманн сказала: «Когда я несколько лет назад посетила Советский Союз, на меня произвел огромное, неизгладимое впечатление тот факт, что советские женщины с таким достоинством и так успешно принимают участие во всех областях общественной жизни наравне с мужчинами. Советские женщины произвели на меня впечатление таких свободных и счастливых женщин, каких мне не приходилось видеть ни в какой другой стране. Мы очень рады, что на нашем Конгрессе сможем встретиться с советскими делегатками. Датчанки смогут поговорить с советскими женщинами, познакомиться с их опытом, обсудить с ними целый ряд жизненно важных для нас проблем, таких, например, как сложнейшая проблема воспитания детей. В сегодняшней Дании проблема воспитания молодого поколения переживает кризис, который нам очень трудно преодолеть».

Всемирный Конгресс женщин оставит в Копенгагене неизгладимый след. Это один из крупнейших конгрессов, который когда-либо происходил, и трудно было выбрать для него более удачное время. Конгресс открылся в период ожиданий. Он происходит в период, когда миролюбивая инициатива Советского Союза вселила новую надежду в сердца миллионов людей западного мира.

Конгресс женщин еще раз докажет, что различие языка, расы, религии не должно разделять людей. На земле хватит места для всех. Земля необъятна, сказочно богата и прекрасна. На ней хватит хлеба, красоты и простора для всех. Все могут жить. Земля может стать совсем неплохим местожительством для человека. Земля была свидетельницей различных видов безумия. Но это вовсе не означает, что мы должны мириться с безумием. Обычаи и представления дикарей не следует считать вечными. Военный психоз — не закон природы.

Народы Советского Союза доказали нам, что человеческие возможности безграничны. Они доказали нам, что в справедливых общественных условиях добрая воля является силой гораздо более могучей, чем безумие. Полуколониальное население стран народной демократии последовало примеру Советского Союза.

Всемирный Конгресс женщин не является защитником какого-либо определенного мировоззрения. Но встреча женщин западных стран с женщинами Советского Союза и стран народной демократии покажет, в чем состоят их общие интересы.

Мир — вот в чем общие интересы народов Запада и Востока, Севера и Юга.

Пусть женщины протянут друг другу руки через границы — это послужит на благо всему человечеству!

КОПЕНГАГЕН, 5 июня. (По телеграфу)

Этот плакат художницы Грете Скютте Иенсен выпущен к открытию Всемирного Конгресса женщин, который вчера начал свою работу в Копенгагене. «Конгресс открыт для всех женщин!» — гласит надпись на плакате.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

В датской буржуазной газете «Афтенбладет» 11 мая этого года была напечатана статья под названием: «Число безработных моряков растет!»

Статья начинается словами:

Aftenbladet

Antallet af arbejdsløse søfolk stiger!

*«Хотя безработица среди датских моряков уже давно внушала опасение своими масштабами, она продолжает непрерывно расти и постепенно ложится таким тяжелым бременем на кассу пособий по безработице *, что сохранение баланса становится затруднительным. А хуже всего, пожалуй, то, что нет никаких видов на улучшение ситуации в ближайшем будущем».*

Комментарии излишни!

* Такого рода кассы находятся в Дании в ведении профсоюзов и создаются за счет отчислений из заработка самих рабочих. (Ред.).

Международная почта

ПУСТОЙ КОШЕЛЕК

Этот выразительный рисунок — английская домашняя хозяйка, с ужасом взирающая на свой опустошенный после покупки продовольствия кошелек, — напечатан английской газетой «Дейли геральд». «Голос домашних хозяек становится все громче и все более сердитым, — пишет газета. — В лавках и на рынках тяжело работающие и обремененные семьей женщины жалуются: «Я потратила деньги, а что я купила на них?»

С каждым днем растут цены на предметы первой необходимости в Англии. Сравнение расходов рядовой британской семьи за этот и прошлый год показывает, что вздорожало все без исключения. Стоимость сыра повысилась на два пенса за фунт. Бэкон — очень распространенный в Англии продукт питания — стал дороже на пять пенсов, чай — на четыре, молоко — на три, масло — на шесть пенсов. Подорожали также сахар, мука, яйца, фрукты и овощи...

Из пенсов складывается большая сумма, тяжелым бременем ложащаяся на бюджет трудовой английской семьи. Так трудящимся приходится расплачиваться за политику гонки вооружений, проводимую правящими кругами страны.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

Буржуазная итальянская газета «Мессаджеро» опубликовала статью под выразительным заголовком: «После пребывания в Европе американцы вновь открывают Америку». Газета пишет, что «очень многие из состоящих на государственной службе американцев направляются в Европу, где они часто остаются по нескольку лет. Когда же они возвращаются на родину, то чувствуют себя, как рыбы, вытащенные на сушу...»

Что же вызывает подобное ощущение у американцев, возвратившихся из дальних странствий в Соединенные Штаты? Оказывается, «проблема денег и существующих там цен представляется вернувшимся домой американцам такой же сложной, как проблема заново научиться читать».

«Мессаджеро» поясняет, в чем дело, — дело в том, что в маршаллизованных странах Западной Европы американцы живут на широкую ногу, не зная никаких забот, а приехав в США, сталкиваются со все растущей дороговизной. «Обмен валюты в Европе представлял для них приятный сюрприз. За каждый доллар они получали в руки пачку иностранных ассигнаций», — пишет газета и перечисляет, каков обменный курс доллара в переводе на голландские гульдены, французские франки и итальянские лиры. «Но в США они очень неохотно расстаются с долларами... И прежде, чем потратить доллар, погружаются в глубокое раздумье».

Резкое несоответствие между обменным курсом доллара и его реальной покупательной способностью является одним из результатов хитроумной механики американской экономической «помощи», закабаляющей западноевропейские страны. Не случайно в этих государствах все громче и сильнее раздается требование перейти от «помощи» к нормальному торговому обмену.

ПОГОВОРИТЕ С НИМ!

Такие плакаты (небольшого размера, напечатанные типографским способом) можно увидеть всюду в Западной Германии. Западногерманские борцы за мир наклеивают их на стенах домов, где живут сторонники милитаристского «общего договора». На воспроизводимом нами плакате написано:

Снимок из немецкого еженедельника «Ди фрау фон хойте»

«Здесь живет д-р Мих. Горлахер, сторонник «общего договора», сторонник порабощения нашей страны на 50 лет, сторонник ремилитаризации, сторонник войны и разрушения. Поговорите с ним! Разъясните ему мнение немецкого народа! Нам нужен не «общий договор», а мирный договор!»

ИРЛАНДСКИЕ МРАКОБЕСЫ

«В середине двадцатого столетия Ирландия во многих отношениях все еще переживает времена средневековья».

Эти слова принадлежат датскому писателю и журналисту Элиасу Бредсдорффу, посетившему недавно Эйре и изложившему свои впечатления на страницах копенгагенской газеты «Информашон».

Какие же черты современной ирландской действительности столь живо напомнили Бредсдорффу средневековье? На этот вопрос можно ответить одним словом: мракобесие.

Да, мракобесие! Трудно иначе охарактеризовать порядки, установленные в стране реакционными и клерикальными кругами и вызывающие в памяти времена инквизиции.

Ирландская реакция действует через так называемую «Ирландскую цензорскую коллегию», возглавляемую преподобным Джозефом Дири. Он и является главным цензором (чтобы не сказать «главным инквизитором»).

«Я купил в Дублине чрезвычайно интересную официальную брошюру, представляющую собой список запрещенных в Ирландии книг и журналов. Этот список... включает около 3.000 названий книг, которые ни книготорговцам, ни частным лицам не разрешается ввозить в Ирландию», — пишет Бредсдорфф.

Среди запрещенных произведений, видимо, признанных «опасными» для государства Эйре, — все до единой книги М. Горького, М. Шолохова, И. Эренбурга.

Однако не только против советских авторов ополчились ирландские реакционеры. Ирландский писатель Шон О'Фаолайн свидетельствует: «На 150 заполненных убористым шрифтом страницах официального реестра книг и журналов, запрещенных ирландской цензорской коллегией, мы находим фамилии почти всех выдающихся ирландских писателей».

Дублинские инквизиторы безжалостно расправляются с многими книгами всемирно известных писателей.

Анатоль Франс? Запретить! Герберт Уэллс? Изъять! Бернард Шоу? Чтоб духу его не было! Апулей? Уничтожить! Карел Чапек? Вытравить!..

«Список запрещенных авторов, содержащий тысячи фамилий, настолько длинен, — сообщает О'Фаолайн, — что можно сказать попросту — цензорская коллегия могла бы избрать в качестве девиза фразу: «Если книга хорошая, мы включаем ее в список!» Но это еще не все. Под влиянием официальной цензуры широкие размеры в стране принял «цензорский психоз». Достаточно какой-нибудь старой бабе, того или другого пола, выразить протест против определенной книги, имеющейся в библиотеке (что случается весьма часто), и библиотекарю приходится убирать ее с полки, если только он не хочет чувствовать себя затравленным зверем до конца своих дней».

Библиотечный комитет Дублинского графства также занимается составлением списков книг, «не подходящих для чтения» в подведомственных ему библиотеках. В этих списках фигурируют, в частности: «Собор Парижской богоматери» В. Гюго, «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Т. Гарди, «Анна Каренина» Л. Толстого, все произведения Дж. Голсуорси.

Такова судьба выдающихся произведений мировой литературы в современной Ирландии. Прискорбная картина!

БИЗНЕСМЕНЫ НЕРВНИЧАЮТ...

— Что с ним, острый приступ форрестоловой болезни?

— Нет, это следствие угрозы мира в Корее...

Рисунок худ. Жака Камб из французской газеты «Юманите-диманш»

Смесь

К вопросу о пользе чтения. Американский журнал «Фримэн» сделал недавно следующее примечательное признание: «Несмотря на официальные утверждения о грамотности, только половина взрослого населения США владеет грамотой в достаточной степени, чтобы читать и понимать книги для взрослых». И дальше: «...Если в прошлом году вы прочли пять книг, то вы прочли больше, чем читают 75 процентов американцев...»

Франко и Муссолини. Газета «Афтенбладет» сообщает, что недавно в Барселоне в «Соборе священного сердца» был отслужен молебен за упокой Муссолини. «Во время церемонии, — пишет газета, — раздавали листовки, в которых Муссолини прославлялся, как «великий итальянец».

Неграмотные на родине Шекспира. Английский буржуазный журнал «Экономист» встревожен: огромное количество молодых людей остаются неграмотными в Англии. Цифры, приведенные журналом, действительно поражают. Из 45.000 молодых англичан призывного возраста 10.000 человек (22 процента!), как оказалось, либо неграмотны, либо полуграмотны.

Ночлег в троллейбусе. Бездомная жительница Чикаго 73-летняя Анна Кокс в течение семи лет ночевала в курсирующих троллейбусах. Она выбирала линии с наиболее длинным маршрутом. «Это дешевле», — сказала Кокс репортеру газеты «Чикаго сан-таймс». История бездомной старухи стала известна после того, как однажды троллейбус, в котором она ночевала, попал в уличную катастрофу и пассажирка получила ранение.

Садизм на экспорт. Как сообщает австрийская газета «Дер абенд», голливудская фирма «Метро-Голдуин-Мэйер» недавно «осчастливила» Вену стереофильмом «Убийство в трех измерениях», где техника объемного кино использована для смакования всех подробностей преступления.

Австрийская репертуарная комиссия пропустила этот фильм с оговоркой, что дети до шестнадцати лет на него не допускаются. Узнав об этом, представитель «Метро-Голдуин-Мэйер» в Австрии заявил, что запрет представляет собой «ущемление демократии», и зловеще намекнул на последствия. Австрийские власти, как видно, не вправе решать, что вредно и что полезно австрийскому юношеству... Так выглядит «демократия», экспортируемая из Соединенных Штатов!

ГДЕ-ТО ВО ВЬЕТНАМЕ...

Джозеф СТАРОБИН

1. Завод в горах

Американская газета «Дейли уоркер» начала печатать серию очерков своего корреспондента Джозефа Старобина, написанных «где-то во Вьетнаме». В очерках рассказывается, как живет и как борется народ Демократической Республики Вьетнам.

Сегодня мы публикуем один из этих очерков Джозефа Старобина.

Один из самых интересных дней моей поездки во Вьетнам — поистине незабываемый день — я провел на заводе «МК», изготовляющем стрелковое оружие и ручные гранаты, где-то в горах, на северо-западе страны.

После полуночи мы переправились на покрытых лаком бамбуковых лодках через небольшую реку. Всходила луна, силуэты деревьев четко выделялись на фоне неба. Противоположный берег реки оказался очень крутым и скалистым. Мы вскарабкались наверх, поклажу передали по цепи из рук в руки. Здесь, при свете фонаря, нас поджидал мужчина лет сорока — директор завода Нгуэн Кван Ло. Через час мы дошли до первого строения — приемной директора. Утром этот человек, в прошлом — рабочий-железнодорожник, никогда не занимавшийся производством оружия, рассказал нам о своем заводе, который он возглавляет с 1946 года.

Еще до катастрофы *, разразившейся в декабре 1946 года, железнодорожники постановили: все, что можно, увезти в горы. В ту роковую ночь часть людей почти до рассвета грузила станки на последний эшелон, их товарищи в это время отбивали атаки французских войск. Бои завязывались чуть не на каждом километре пути. В горах, где железнодорожное полотно было разрушено бомбами, станки пришлось тащить на себе, везти на телегах... Затем их снова перегрузили в вагоны и, наконец, дотащили до леса. В конце 1947 года наступление французов заставило перенести завод на новое место, — бои с вражескими парашютистами шли прямо на заводской территории. Рабочие говорили: «Мы и живем и умираем при своих машинах». В мае 1949 года разгорелись новые бои и двадцать рабочих было убито.

В те годы приходилось трудно — учились на ходу. Выкапывали из земли старые японские бомбы, чтобы добыть взрывчатку; мелинит захватывали у французов, нитраты тайно доставляли из Ханоя. Наскоро обучали конструкторов. Примерно так, очевидно, работал в свое время и знаменитый Нго Жиа Кхам, один из известнейших героев труда во Вьетнаме, человек с прищуренными глазами, скривленным ртом и следами ожогов на лице: он трижды пострадал от взрывов, когда создавал первые заводы черного пороха. Мы встретились с ним на пекинском Конгрессе сторонников мира **, а позднее — на Конгрессе народов в Вене.

Пища рабочих состояла тогда из супа и скудных порций кукурузы: рабочие одновременно строили завод и засевали поля. Старые рельсы переливали в орудийные стволы. В джунгли доставляли обломки французских бронетранспортеров, кораблей, броневиков и делали котлы и токарные станки. И уже в 1949 году вьетнамцы стали самостоятельно изготовлять безоткатные базуки (противотанковые ружья)!

Ведь освободительное движение не только преобразовывает сельское хозяйство Вьетнама, — оно также способствует формированию рабочего класса. В этой почти полностью аграрной стране, большие города которой заняты оккупантами, десятки тысяч новых рабочих трудятся сейчас в лесах. Сразу же после декабря 1946 года в авангард Сопротивления встали сотни квалифицированных рабочих из мастерских, гаражей и железнодорожных депо Ханоя и Хайфонга; их можно найти в любом соединении Народной армии. Существует немало легенд о том, как эти люди демонтировали тяжелое оборудование и по частям переправляли его в леса; один завод был целиком увезен из Сайгона. Но не менее важно и то, что эти кадровые рабочие обучили новичков из крестьян.

Директор завода «МК» — на редкость красивый человек: широкий лоб, открытая улыбка. Сейчас у него под началом 600 рабочих, из них около 100 женщин. Все они — члены Генеральной конфедерации труда, а половина с гордостью носит звание члена партии Лао-Дон (вьетнамской Трудовой партии).

Многие рабочие женаты, но мало кто живет здесь с семьей. Средняя заработная плата — 38 кг риса в месяц, и вдобавок — 12 ярдов ткани и 4 фунта соли в год. Работают шесть дней в неделю по 8 часов в день, добавьте к этому час на ежедневные политзанятия. Затем культурная и организационная работа и развлечения.

Мы разговорились с одним очень серьезным молодым человеком. Ему 29 лет, он сын крестьянина. В 1951 году он пришел сюда из опустошенного войной района Намдин и стал учиться на токаря. Сейчас он председатель заводского комитета, состоящего из семи человек. Комитет оказывает помощь директору, занимается улучшением условий труда на заводе и отвечает за работу по ликвидации неграмотности. Кроме того, ведет воспитательную и культурную работу.

Рядом с председателем завкома стоит 20-летний юноша Као Вьет Бао — знаменитый кузнец, награжденный в мае 1952 года, на Конгрессе участников патриотического соревнования, за рационализацию производства киркомотыг. Его нововведения очень просты: он устранил простои, сконструировал новый штамп для ковки металла, разработал «конвейерную» технику.

Сейчас Као — народный герой, у него нашлось много последователей. Он рассказал, что получил премию: новый костюм и 20.000 донг вьет (денежная единица Вьетнама). На груди он носит значок с изображением президента Хо Ши Мина. «Когда я бью по металлу, мне кажется, что я наношу удар за ударом по головам французских колонизаторов». Эти слова Као цитируют и повторяют по всему Вьетнаму.

После завтрака в директорской приемной — здесь я во второй раз за поездку по Вьетнаму увидел электрическое освещение — мы двинулись дальше. На крутом повороте дороги было видно, что недавно тут протаскивали тяжелые машины. Мы шли мимо обработанных полей. Изредка встречались хижины, крошечные дети удивленно смотрели нам вслед.

Вскоре нашим глазам открылась поляна и на ней — постройка, наполовину врытая в землю. Это электростанция. На одном конце здания производится сухая перегонка дерева. Полученный газ поступает в шестицилиндровый корабельный мотор «Крейслер» — вот уж чего я никак не ожидал увидеть здесь! «Мы сняли его с разбитого десантного катера, — заметил директор, — и заменили им прежний паровой котел».

От корабельного мотора работает генератор на 25 киловатт. Я отыскал фабричную марку: изготовлен на заводе «Делько» компании «Дженерал моторс» в Дэйтоне, штат Огайо. На земляном полу лежит запасной генератор. Медная дощечка на нем гласит: «Компания Грамм, улица Отпуль, 26, Париж».

На правой стене помещения электростанции укреплена измерительная доска с регулятором напряжения производства компании «Берлингтон инструмент» в Берлингтоне, США... Приятный городок этот Берлингтон, далеко-далеко отсюда!

А под крышей натянуто полотнище с надписью: «Мы чтим память Генералиссимуса Сталина. Будем развивать патриотическое соревнование!»

В удивительном мире мы живем! Вот здесь, в бамбуковом строении, мы разглядываем машины, изготовленные за десятки тысяч миль, машины, в которые вложены уменье и силы рабочих Дэйтона и Берлингтона, машины, в которых воплотился труд французских рабочих, машины, с помощью которых хотели убить этих босых крестьян, ставших рабочими Вьетнама.

Через четверть часа, все время следуя вдоль проводов, переброшенных через сучья деревьев, мы дошли до второго строения. Это длинный цех с множеством токарных станков и прессов, работающих от трансмиссий. Десятки пожилых мужчин и юношей склонились над чертежами под электрическими лампочками. В помещении царит полумрак, потому что оно тоже частично находится под землей.

Дальше расположена примитивная кузница. Еще в одном здании — два новеньких мотора с американских грузовиков компании Уайт, захваченных в боях осенью прошлого года. Над ними висят стенгазета и портрет президента Хо Ши Мина. Еще дальше — конвейер, шлифовальные и сверлильные станки...

На пути в химический цех мы проходили мимо конструкторского бюро. Далее стоит хижина, которая служит медпунктом. Мы заглядываем туда. Из-за шкафчика с медикаментами на нас смотрит одетая во все белое медсестра...

Входя в химический цех, полагается гасить папиросы. (Я полюбил грубый черный табак вьетнамских папирос Лоан Кет!) В полутьме молодые девушки старательно покрывают крошечные медные пластинки слоем фосфорного порошка. У девушек черные косы, их темные блузы и штаны сливаются с окружающим полумраком. В другом конце цеха молодые рабочие, стоя группами у небольших очагов, плавят восковую водонепроницаемую смесь для гранат.

Мы выходим, наконец, на испытательную площадку. Юноша держит в руке несколько гранат, они совсем готовы, если не считать металлической рубашки. Он бросает их одну за другой. Все взрываются, взметая фонтаны земли...

К вечеру сорок пять рабочих собираются за длинным столом побеседовать с другом, прибывшим из Америки. Я провожу своего рода массовое интервью. Тридцать из присутствующих работают здесь с 1947 года. Двадцать четыре человека и раньше были рабочими, и все, кроме одного, работали на французов.

— У скольких из вас, — спрашиваю я, — членов семьи или родственников подвергали пыткам колониальные палачи?

Руку подняли тридцать три человека...

Молодая женщина — та самая медсестра, которую мы уже видели раньше, — встала, чтобы передать через меня привет женщинам Америки. Она заговорила о том, что приходится переживать вьетнамским женщинам, и расплакалась...

В сумерках мы шли обратно к реке. Директор показал на поднимавшийся в стороне горный кряж — там они сильно помучились, переправляя паровой котел. Потом повернулся в другую сторону — там делают орудия и снаряды. Мы вышли на открытое место и ускорили шаг, поглядывая на небо. — Вот здесь прошлой осенью мы дрались с оккупантами.

— А они знали, как близко они находятся от завода «МК»? — спросил я. Директор рассмеялся: — Если и знали, то недолго...

Я оглянулся. Крутые зеленые склоны, два буйвола, несколько пальм — больше ничего не было видно.

* Здесь имеется в виду нападение французских войск, с которого началась «грязная война» колонизаторов против народа Вьетнама. (Ред.).

** Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана в октябре 1952 г. Джозеф Старобин присутствовал там как член делегации США и корреспондент американской газеты «Дейли уоркер». (Ред.).

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01274